

А. Плешчиньски

СЛАВЯНЕ В НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIII ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ

Обращает на себя внимание то, что вплоть до времен позднего Средневековья или, по крайней мере, до XIII в., во многих произведениях западноевропейской историографии, художественной и квазинаучной литературы славяне описывались как единый народ, пользующийся одним и тем же языком, либо похожими языками, понятными для всех славян. Интересно, что так обстояло дело, даже несмотря на фиксацию политических и религиозных отличий на пространстве славянского мира. Несомненно, за такого рода ситуацией стояла определенная реальность в виде действительного сродства друг с другом славянских народов, особенно в сфере языка, ведь и сегодня славянские языки отличаются друг от друга в гораздо меньшей степени нежели, например, языки германские и даже романские. Определенно существовало и какое-то общеславянское осознание общности, но, кажется, что наиболее важное значение для существования этого феномена имела раннесредневековая традиция, зафиксированная как в греческой, так и в латинской словесности¹. Вышеозначенная проблема является очень объемной и сложной. Задачей настоящей статьи может быть только рассмотрение какого-либо ее аспекта. В связи с этим мы намереваемся осветить — на основе избранных, на наш взгляд, наиболее значимых произведений — каким было восприятие славян в текстах, возникших в Германии в XIII столетии.

Для начала, однако, необходимо пояснить Читателю, почему нами выбраны именно Германия и именно XIII в. Дело в том, что именно территория Священной Римской империи была пространством, где наблюдался наиболее интенсивный в рамках Западной Европы интерес к славянству. Кроме того, именно в Германии и на территориях, политически связанных со Священной Римской империей и немецкими государствами,

---

¹ *Tyszkiewicz L.* 1) *Słowianie w historiografii antycznej do połowy XI wieku.* Wrocław, 1990; 2) *Słowianie w historiografii wczesnego średniowiecza od połowy VI do połowy VII wieku.* Wrocław 1994; 3) *Wschodni sąsiedzi Niemiec w historiografii końca X i początków XI stulecia* // *Śląski Kwartalnik Historyczny «Sobótka».* 1982. Vol. 37. S. 1–12.

возникали в Средневековье оригинальные тексты, стремившиеся к относительно подробному отражению славянской специфики.

Выбор же XIII столетия в качестве периода для нашего рассмотрения продиктован исключительностью этой эпохи. Ведь именно в это время на западе континента происходили стремительные цивилизационные и политические перемены, которые коренным образом преобразовали облик этой части Европы. Говоря предельно кратко, в XIII в. приходили в упадок институты императорской власти и папства, что не только сделало возможным эмансипацию квази-национальных государств, опиравшихся на использовавшийся письменный административный аппарат, но и создало условия для возникновения основательной автономной власти аристократии. Связанное с этими явлениями распространение письменной культуры и образования способствовало появлению в эту эпоху светской литературы на народных языках. Тринадцатое столетие в определенном смысле закрывало прежнюю эпоху и открывало новый период, потому что многое из свойств литературы XIII в. характерно в равной мере как для предшествующего, в литературном плане еще относительно бедного, времени, так и для последующей эпохи позднего Средневековья, которая отличалась большим присутствием письменной культуры и учености в жизни светских сообществ. Таким же образом тринадцатый век является очень важным, особенным, периодом и для рассмотрения интересующего нас вопроса о восприятии славянского мира в церковных и светских средах Германии.

Переходя теперь к сути интересующего нас вопроса, в первую очередь, заметим, что в принципе в немецкой литературе рассматриваемой эпохи никогда не отмечалось родство различных групп германцев и редко отмечалось родство народов романских, в то время как славяне, напротив, всегда описывались как этническое единство, причем даже тогда, когда фиксировались их принадлежность к разным политическим организациям или существовавшие между ними религиозные различия. При этом в более частных вопросах, например, касающихся характеристики славян или их происхождения, немецкие авторы могли придерживаться самых разных мнений. Эту любопытную черту, а также другие проблемы, связанные с описанием славянских народов в Германии XIII столетия, мы попытаемся рассмотреть на примере нескольких, на наш взгляд, наиболее репрезентативных произведений. Речь пойдет, в первую очередь, о работах энциклопедического характера, затем о произведениях из разряда так называемых всемирных хроник, и, наконец, о некоторых эпических памятниках, написанных уже на использовавшихся тогда вариантах немецкого языка.

Наше рассмотрение мы начнем с первого из вышеуказанных жанров литературы — с произведений энциклопедического характера. Одним из наиболее известных и разработанных в Средневековье произведений этого типа был энциклопедический труд Бартоломея Английского, носивший название «О свойствах вещей» (*De proprietatibus rerum*)². Его автор родился в Англии, но главный свой труд создал после десятилетнего

---

² *Barthélemy L'Anglais. Le livre des regions* / Ed. B. A. Pitts. London, 2006 (с французским переводом). — Существуют разногласия относительно кодифицированного издания этого произведения — возможно, по причине существования множества его версий. К настоящему времени оцифровано несколько позднесредневековых редакций. См., например: <http://d3seu6qyu1a8jw.cloudfront.net/sites/default/files/collections/32/324D849D-5D6C-4FC5-B-8F4-390AF48ECA45.pdf> (дата обращения: 19.02.2018). Переиздание книги, вышедшей в 1601 г. во Франкфурте: *Bartholomaeus Anglicus. De proprietatibus rerum* / Ed. B. van

пребывания в Германии, в Магдебурге, в котором приблизительно с 1230 г. он исполнял обязанности лектора местной кафедральной школы³.

Ввиду исключительной популярности энциклопедии Бартоломея Английского (не только в Средневековье, но и в эпоху Нового времени)⁴, представляется особенно важным рассмотреть то, как показаны в ней славяне. Раздел XV этого труда посвящен географии. Изложение в нем специфическое: заметно переплетение традиции и новых эмпирических данных⁵. Начало открывается описанием деления мира на три части, выполненное согласно известной схеме, распространившейся благодаря Исидору Севильскому. Затем в алфавитном порядке Бартоломей перечислил известные ему страны и области, снабдив свой перечень соответствующими комментариями.

Относительно много места ученый посвятил Центральной Европе и больше всего Саксонии — стране, в которой он сам проживал. Не используя, в отличие от многих тогдашних интеллектуалов, в отношении немецких земель определения «Germania», он вместо этого писал об «Алемании». Разница значительная, так как именуемую подобным образом территорию он ограничил краями, которые в то время, действительно, были населены немцами: в перечне Бартоломея фигурируют Эльзас, Австрия, Бавария, Майссенская марка, Бранденбург, Швабия и Саксония. Чехия описывается Бартоломеем отдельно, причем, говоря о ней, он также упоминает о Польше — замечая, что рубеж этой страны представляет собой северную границу Чехии (с. 30)⁶. Точно так же поступил Бартоломей при описании Майссенской марки (с. 102) и Саксонии, отмечая, что с запада эти области граничат с Польшей. Однако, он не посвятил этой стране особой «статьи», хотя посвятил их Венгрии (с. 116), Руси (с. 131) и даже Самбии (с. 134) и древней Сарматии (с. 137), само название которой и характеризующее ее содержание были почерпнуты из «Этимологий» Исидора Севильского.

Den Abeele. Frankfurt am Main, 1964. Электронная версия швейцарского кодекса 1471–1472 гг.: <http://digital.ub.uni-duesseldorf.de/urn:urn:nbn:de:hbz:061:1-145937> (дата обращения: 03.10.2018). Электронная версия кодекса из Англии: <http://spcoll.library.uvic.ca/Digit/bart/> (дата обращения: 03.10.2018).

³ Об авторе и обстоятельствах появления книги см., например: Meyer H. Die Enzyklopädie des Bartholomäus Anglicus: Untersuchungen zur Überlieferungs- und Rezeptionsgeschichte von «De proprietatibus rerum». München, 2000. S. 23ff.; Lidaka J. G. Bartholomaeus Anglicus in the thirteenth century // Pre-Modern Encyclopaedic Texts / Ed. P. Binkley. Boston; Leiden, 1997. P. 393–406; Keen E. The Journey of a Book. Bartholomew the Englishman and the Properties of Things. Canberra, 2007.

⁴ В сумме она издавалась уже более десяти раз, а также неоднократно переводилась. См., например, английский перевод Нового времени: [Bartholomaeus Anglicus]. On the Properties of Things. John Trevis' translation of Bartholomæus Anglicus «De Proprietatibus Rerum». Oxford, 1975. Vol. II. P. 743 (о Чехии), 802 (о Руси), 806 (о «Склавии»). В начале XV в. во Франции возник богато иллюминированный кодекс: [Bartholomaeus Anglicus]. Über die Eigenschaften der Dinge. Die Enzyklopädie des Bartholomaeus Anglicus in einer illuminierten französischen Handschrift der Universitätsbibliothek der Friedrich-Schiller-Universität Jena. Jena, 1982.

⁵ Grabski A. F. Polska w opiniach obcych X–XIII wieku. Warszawa, 1964. S. 95 ff.; Seymour M. C., et al. Bartholomaeus Anglicus and his Encyclopedia. Aldershot, 1992; Meyer H. Die Enzyklopädie des Bartholomäus. S. 33f.

⁶ «haec terra curcuitur ex parte [...] euri aquilonaris Polonia» (Bartholomaeus Anglicus. De proprietatibus rerum. S. 639; Barthélemy L'Anglais. Le livre des regions. P. 16f.

Интересен комментарий, относящийся к «Склавонии» в целом (с. 140)⁷, которую, согласно Бартоломею Английскому, населяли чехи, поляки, мораване и вандалы (речь идет о полабских славянах), русины, далматинцы, а также хорутане (каринтийцы). Все они должны были понимать друг друга, учитывая сходство языков и быть близки друг другу обликом и обычаями, хотя их разделяла вера. А именно одни из них будто бы еще были привержены языческому культу (полабские славяне? — это явный архаизм)⁸, в то время как другие исповедовали христианство римского обряда, а были еще и восточные христиане.

Весьма примечательным является также осуществленное Бартоломеом Английским разделение славянского мира. А именно он использовал понятия «Малой Склавонии», а также «Великой Склавонии»: основа этого деления проистекала из принятого в античной географии принципа, в соответствии с которым понятие «малый» означает «более близкий», а «великий» — «более далекий»⁹. «Малая Склавония» должна была поэтому простираться от границ Саксонии вплоть до Пруссии и земель (четко не локализованных) вандалов, охватывая страны сходного (одного?) языка, в первую очередь, Чехию, которую Бартоломей Английский называл «Чешской Склавонией» (*Sclavonia Behemitana*). Согласно Бартоломею Английскому, страна эта изобиловала «медом и молоком» (топос), тамошние люди были «сильны телом», занимались земледелием, а также рыболовством. Кроме того, жители этой страны отличались набожностью и мирным нравом. Подобные свойства их характера Бартоломей Английский объяснял влиянием немцев и смешением с ними местных жителей¹⁰. «Великая Склавония», расположенная дальше от Магдебурга и Саксонии, складывалась, согласно энциклопедисту, из Далмации, Сербии (на Балканах), Каринтии и «многих других стран». Все они были будто бы горными и лесистыми, а народ, их населяющий, характер имел суровый и жесткий — это были люди неотесанные (*gens inculta*), часто промышлявшие пиратством, и не слишком благочестивые, хотя все-таки христиане.

Таким образом, знания Бартоломея Английского о славянах были довольно поверхностными, не выходя за пределы отмеченных выше стереотипных описаний. Заметны у него также черты негативного отношения к славянам, хотя не являются они ни ярко выраженными, ни сколько-нибудь подробно намеченными.

Подобно Бартоломею Английскому, Альберт Великий в своей многотомной энциклопедии, в той ее части, которая называется «*De natura locorum*» («О свойствах

⁷ *Barthélemy L'Anglais. Le livre des regions.* P. 41.

⁸ В период написания трактата уже давно официально не существовало языческих славянских народов. Бартоломей Английский, должно быть, опирался здесь на какие-либо более ранние, хранившиеся в магдебургской кафедральной школе немецкие тексты, сообщавшие о полабских язычниках.

⁹ Подобную схему разделения «Склавонии» Бартоломей почерпнул, скорее всего, из хроники Адама Бременского либо Гельмольда из Босау, которые применяли понятие *Sclavinia* в узком (для обозначения земель полабских славян) и в широком (включавшем Русь и прочие славянские страны) значении.

¹⁰ «*Propter mixtionem et societatem quamquotidie contrahunt, cum Germanis*» (<http://digital.ub.uni-duesseldorf.de/urn:nbn:de:hbz:061:1-145937> (дата обращения: 03.01.2018)). См.: *Grabski A. F. Polska w opiniach obcych...* S. 97.

мест»)»¹¹, также отводил славянам место маргинальное, находящееся на краю ойкумены. В девятой главе первой части этого трактата сначала содержится изложение классического деления мира на три зоны (повторяется это снова во вступлении к третьей части, а также в ее главах), затем следует длинный пассаж о климате той зоны, которая, согласно автору, пригодна для жизни, с определением ее размеров в степенях, расположения и многих других географических характеристик¹². Затем, после многих разных физических описаний, Альберт утверждает (вторая часть, третий раздел), что характер человеческого тела связан с климатом, в котором проживает соответствующая группа людей: темнокожих «эфиопов» поэтому, по его мнению, характеризует легкость тела и фривольность в мыслях. Черты эти Альберт сопоставил с теми, которыми, в его представлении, обладали светлокжие люди, живущие на севере, каковым по причине холодного климата их родного края он приписывал флегматичность. К этим северным народам он относит готов, датчан (именовавшихся тогда повсеместно даками¹³), населявших, по его определению, «запад», и славян, которые сходны с датчанами по причине похожего климата¹⁴. Специфику представлений Альберта о народах хорошо демонстрирует его фраза о том, что причиной заинтересованности жителей северной Италии изучением права и свободных искусств является якобы то, что живут они в подходящем для этого климате, в то время как жители севера, славяне и датчане из холодных стран, обо всем этом не заботятся, так как для этого они слишком тяжелы, слишком флегматичны.

Во второй главе третьей части своего трактата Альберт описывает Европу, довольно механически выстраивая в ряд страны и города¹⁵. При этом горизонт его видения был сильно обусловлен античной географией с выраженным уклоном в сторону Средиземного моря. Хотя потом он приводит названия немецких и даже венгерских городов, он не упоминает даже Праги, а также не сообщает о городах польских или русских. Из рек он называет Дунай, Саву, Драву, Стримон, Рейн, но не упоминает ни Эльбы, ни Вислы.

¹¹ Публикацию весьма разнообразного интеллектуального наследия Альберта Великого до сих пор никто полностью не осуществил. В Кельне — городе, в котором Альберт создал большинство своих произведений, создан специальный институт (Albertus-Magnus-Institut) с замыслом подготовить полное издание работ выдающегося средневекового энциклопедиста (Alberti Magni opera omnia). Большой вклад в дело внес Хенрик Анзулевич. См.: *Anzulewicz H. «Editio Coloniensis»*. Krytyczne wydanie dzieł św. Alberta Wielkiego // *Przegląd Tomistyczny*. 1987. Т. 3. S. 237–240). Хотя на нехватку новых критических изданий сетовал еще А. Ф. Грабский (*Grabski A. F. Polska w opiniach obcych*. S. 99ff.), в случае с трактатом «*De natura locorum*» до сих пор сохраняет свое значение старое, далекое от совершенства, издание О. Борне: *Alberti Magni De natura locorum* / Ed. A. Borgnet. Paris, 1890. Доступен также английский перевод (без публикации оригинального текста) манускрипта, авторство которого приписывается самому Альберту Великому (Wien. Nationale Bibliothek. Albertus MS. Cod. Vind. 273. Fol. 142r-156r): *Tilman O. P. An Appraisal of Geographical Works*. P. 23 (текст: P. 25ff).

¹² *Tilman O. P. An Appraisal of Geographical Works*. P. 69 ff. Подробнее о традиции разделения мира на так называемые «климаты» см.: *Honigmann E. Die sieben Klimata und die «Poleis episēmoi»*. Eine Untersuchung zur Geschichte der Geographie und Astrologie im Altertum und Mittelalter. Heidelberg, 1929.

¹³ Ошибка такого же рода, что и в случае с вендами и вандалами.

¹⁴ *Tilman O. P. An Appraisal of Geographical Works*. P. 103 f

¹⁵ *Tilman O. P. An Appraisal of Geographical Works*. P. 119ff.

В третьей главе третьей части своего трактата Альберт дает описание северных стран. Среди них оказались Малая Азия, Дакия (Дания?), наверное, как-то ассоциируемая здесь с Дакией на территории современной Румынии, а также страна славян — «*Sclavia*»¹⁶ (здесь Альберт локализует исток Дона, пограничной реки Европы на востоке, в Гиперборейских горах), Шотландия и Ирландия. В седьмой главе третьей части трактата помещен также особый список стран Центральной Европы. В нем фигурируют Рутения, Алания, Пруссия, Ливония, Дакия, Готия, Германия и Аламания, а также — в дунайском регионе — Мезия (Болгария), Далмация, Истрия и Паннония (в последнем случае у автора уже было представление, что ныне страна именуется Венгрией (*Ungaria*))¹⁷.

Перечень этот хорошо показывает зависимость автора от античного книжного знания, что в сущности приводит его к воспроизведению схем воображаемой географии¹⁸. С другой стороны, в рассмотренном фрагменте видно и то, что Альберт старался каким-то образом приблизить это знание к современности, связать с актуальными реалиями, что, впрочем, необязательно ему удавалось. Эта последняя особенность его произведения проявляется в том месте, где автор писал о восточной границе своей родины: «От побережья Северного Океана простирается наша Германия вплоть до Дуная, который лежит на юге и также именуется Истром, [далее на востоке лежит] Польша, Русь, Пруссия, Ливония, [и далее еще] Дакия, Готия...»¹⁹. Такое перечисление названий стран показывает, что в сущности автор не знал, каково их действительное пространственное соотношение. Вместе с тем, слабому знакомству Альберта со славянским миром не сопутствовали какие-либо негативные «варварские» ассоциации.

Сочинению Альберта Великого подобен по своей структуре, но совершенно отличен в том, что касается содержания и отношения к славянам, написанный между 1292 и 1294 гг.²⁰ в форме краткой (возможно, произведение не было окончено) хроники текст, которую издатель XIX века на основе слабых предпосылок назвал «Баварская хроника императоров и пап» (*Chronicon imperatorum et pontificum Bavaricum*)²¹. Между этой хроникой и целой немецкой литературой той эпохи существует различие, которое, на первый взгляд, может показаться незначительным. Состояло оно в том, что создатель «Баварской хроники императоров и пап» (далее — БХИП) причислял славян не к потом-

¹⁶ Термин «*Sclavi*» он использовал для обозначения полабских славян. «*Sclavia*», возможно, охватывала у него также Польшу, но утверждать это с определенностью трудно ввиду лаконизма текста, который во многих местах напоминает своего рода картотеку, без раскрытия содержания карточек.

¹⁷ *Tilman O. P.* An Appraisal of Geographical Works. P. 119ff., 128.

¹⁸ *Tamm M.* A New World into Old Worlds: The Eastern Baltic Region and the Cultural Geography of Medieval Europe // *The Clash of Cultures on the Medieval Baltic Frontier* / Ed. by Alan V. Murray. Farnham: Ashgate, 2009. P. 13 ff. См. также: *Krawiec A.* Ciekawość świata w średniowiecznej Polsce. Studium z dziejów geografii kreacyjnej. Poznań, 2010. S. 48ff.

¹⁹ «*A littore septentrionalis oceani Germania nostra estusque ad Danubium qui est a meridiequem et Histrum vocant [...] Polonia, Ruthenia, Pruthenia, Liuania, [potem] Dacia, Gothia*» (цит. издание О. Борне по: *Grabski A. F.* Polska w opiniach obcych. S. 100).

²⁰ *Müller M.* Die Annalen und Chroniken im Herzogtum Bayern 1250–1314. München, 1983. S. 253.

²¹ *Chronicon imperatorum et pontificum Bavaricum* / Ed. G. Waitz // MGH SS. Bd. XXIV. 1879. S. 220–225. См. также: Das digitale Repertorium «Geschichtquellen des deutschen Mittelalters» (http://www.geschichtquellen.de/repOpus_01086.html (дата обращения: 01.03.2018)).

кам Иафета, а другого сына Ноя — Хама. Однако, в эпоху, когда Библия по множеству вопросов представляла собой первую и последнюю инстанцию, слова, записанные в БХИП имели огромное ценностное значение. Сцена так называемого «опьянения Ноя» и проклятия, которым патриарх, отец человечества должен был заклеить потомство Хама (Быт. 9: 18–29), были широко известны и неоднократно комментировались²². С упомянутым известием автор БХИП соединил еще другую информацию, относящуюся к характеру и истории славян, совершенно неизвестную, казалось бы, тогдашней немецкой историографии, а именно их мнимое происхождение из Африки (что каким-то образом было связано с их происхождением от потомства Хама), а также известия об изгнании славян из Паннонии римлянами. В принципе, однако, все присутствующие в БХИП особенности описания славян ведут свое происхождение от мотивов, наличествовавших в средневековой немецкой литературе, но их язык и характер являются весьма своеобразными, словно переписанными.

Об интересующем нас тексте не так много известно. До нас не дошел автограф, и не известно, какой была его форма. Сохранился лишь поздний список хроники в кодексе XV века²³. Это свидетельствует о небольшом распространении и, вследствие этого, ограниченном влиянии текста. По сути мы также не знаем, как выглядел протограф. Мы не даже не можем быть уверены, что сочинение в том виде, которым мы располагаем, не писалось отдельными частями несколькими людьми в разное время, ибо только вступительные части (где находятся интересующие нас сюжеты), как кажется являются однородными (что, разумеется, не означает, что не могли они являться компиляцией более раннего времени). Следующие части текста, относящиеся к XIII в., ярко отличаются от остальных, так как содержат относительно подробные, словно наспех дописанные в старый текст анналистические вставки.

В самом начале произведения — что не удивляет, ибо это должна была быть «всемирная хроника» — автор поместил известие о первом человеке, Адаме, который жил в Дамаске. При этом характер фразы производит впечатление, что автор имел намерение что-то еще здесь вставить, но позднее этого не сделал. Словно перескочив через это место, наш автор-компилятор приступил к разделению известного ему мира, в соответствии со схемами античной географии, на три части — Африку, Азию и Европу²⁴. Как и для многих его современников, для нашего автора число сыновей Ноя составляло основу деления ойкумены. При этом в довольно сжатом рассуждении он связал мотив трех сыновей Ноя и вытекающие из него судьбы их потомства с сюжетом о строительстве

---

²²См., например: *Oyugi Odhiambo N. Ham's Sin and Noah's Curse and Blessing Utterances.* Bloomington, 2014. О вопросе расистских обоснований «Ноева проклятия» см.: *Goldenberg D. M. The curse of Ham: Race and slavery in early Judaism, Christianity, and Islam.* Princeton, 2003.

²³Universitätsbibliothek Leipzig (Sign. Ms 1308). См. также: *Wejwoda M. Dietrich von Bocksdorf und seine Bücher: Rekonstruktion, Entwicklung und inhaltliche Schwerpunkte einer spätmittelalterlichen Gelehrtenbibliothek.* Leipzig, 2014. S. 130–132.

²⁴Эту схему утвердил Исидор Севильский в своем энциклопедическом труде «Этимологии» (*Isidori Hispalensis episcopi Etymologiarum sive Originum libri XX* (http://penelope.uchicago.edu/Thayer/L/Roman/Texts/Isidore/9*.html) (дата обращения: 27.01.2018)). См. об этом: *Merrills A. Geography and memory in Isidore's Etymologies // Mapping Medieval Geographies / Ed. by K. D. Lilley.* Cambridge, 2013. P. 45–64.

Вавилонской башни, а также о божественном вмешательстве, приведшем к разделению языков. В результате племена, происходившие от Сима, обосновались в Азии, заняв ее пространство от Ефрата вплоть до северной границы континента; потомки Хама первоначально заселили Африку и Ближний Восток; потомки Иафета получили Центральную и Западную Азию, а также всю Европу, или территории, лежавшие к северу от регионов, в прошлом населявшихся «хамитами»²⁵.

Схема размещения народов, представленная в рассматриваемом тексте, является довольно типичной для средневековой европейской географии²⁶. Отличие от того, что писали о происхождении народов другие тогдашние авторы, занимавшиеся этой темой²⁷, обнаруживается, однако, в определении составных частей ойкумены и происхождения отдельных народов. Так, на фоне не вызывающего удивления отнесения нашим автором халдеев и евреев к потомкам Сима, а алеманов и галлов — к потомкам Иафета, поразительным и весьма знаменательным является причисление им к потомкам Хама не только народов африканских, но также «рутенгов и славян»²⁸.

Для наших целей подобное известие является весьма значимым, так как оно связано с оценочным восприятием славян. Дело в том, что в ту эпоху считалось, что разделение человечества на три большие группы связано не только со специфически понимаемой «генетикой», но и вытекающими из нее определенными свойствами отдельных народов, которые к тому же являются не только «прирожденными», но и санкционированными свыше²⁹.

Различия между тремя частями человечества были подчеркнуты у нашего автора еще и другим способом. А именно еще в первых строках своего текста он отметил, что речь семитов была гортанной, так как ее звуки возникали в задней части нёба, яфетиды же для извлечения звуков своего языка использовали зубы, а слова хамитов состояли из звуков, производимых нёбом³⁰. Более глубокое понимание цитируемых слов требовало бы более широких поисков в области употреблявшейся в то время фразеологии и пристального внимания к использовавшимся тогда символическим сравнениям. Здесь нет места для такого рода изысканий. Однако, достаточно поместить приведенное выше утверждение в наиболее очевидный контекст интеллектуальной культуры времени и

²⁵ Здесь обнаруживается влияние Иосифа Флавия (воспринятое, возможно, посредством Исидора Севильского, который также пользовался трудом еврейского историка). См.: *Josephus Flavius. Jüdische Altertümer* / Ed. H. Clementz. Halle, 1900. S. 34–37 (1, 6).

²⁶ *Brincken, A.-D. von den. Das geographische Weltbild um 1300* / Hrsg. von. P. Morw. Berlin, 1989. S. 9–32.

²⁷ В отношении источникового материала, возникшего в Польше, либо с нею связанного, см.: *Pieradzka K. Genealogia biblijna i rodowód Słowian w pierwszej księdze «Annales» Jana Długosza // Nasza Przyszłość. Studia z dziejów Kościoła i kultury katolickiej w Polsce. 1958. T. 8. S. 83–116.*

²⁸ «Rutheni et Slavi» (*Chronicon imperatorum et pontificum Bavaricum*. P. 221).

²⁹ Неслучайно основные латинские (и не только латинские) обозначения народа (*gens, natio* и др.) апеллируют к «рождению»: *Zientara B. «Populus-gens-natio». Z zagadnień wczesno-średniowiecznej terminologii etnicznej // Cultus et Cognitionis. Studia z dziejów średniowiecznej kultury* / Red. S. K. Kuczyński et al. Warszawa, 1976. S. 673–682.

³⁰ «filii Semloquuntur in gutture [...] filii Cham in palato, ut Rutheni et Slavi, filii Iaphet ad dentes verba promunt et premuntur Allemanni et Galli» (*Chronicon imperatorum et pontificum Bavaricum*. P. 221).

места появления интересующего нас памятника, чтобы заметить, что автор, дистанцируясь от чехов, поляков и рутенов, считал их в определенном смысле людьми, «расово» чуждыми себе и другим европейцам³¹. При этом речь шла не только об акцентировании того, что рутены и славяне являлись людьми, физически отличными от яфетидов (которых автор считал первоначальными, «прирожденными», обитателями Европы). Представленная классификация означала, кроме того, укорененную в библейской традиции³² и очевидную для каждого читателя низкую оценку культурно-цивилизационной ценности славян: традиционно пейоративное отношение средневековых авторов не только к библейскому Хаму, но и к его предполагаемым потомкам, уже в то время нередко связанное с квазирасистским подходом к жителям Африки³³, является хорошо известным фактом.

У людей, живших в условиях традиционного общества, существовало представление, что все его члены имеют общих предков, что они — как это тогда понималось — люди «одной крови». Как уже было отмечено, это представление получало дополнительную сакральную легитимацию со стороны библейского рассказа, производившего всех людей от трех сыновей Ноя³⁴. Впрочем, и не связанные с христианством племенные традиции признавали членов соответствующих общностей кровно связанными между собой, происходящими от общего предка³⁵. Это родство должно было являться причиной общих физических и душевных свойств членов данной общности. Считалось, что вместе с «кровью» родители передают своему потомству свойства характера, а также душевные склонности и даже социальные характеристики. На основе представления о том, что каждая этнополитическая общность является как бы одной большой семьей, выстраивались теории о генетически «хороших» и «дурных» народах. При этом зачастую считалось, что приписываемые этим общностям черты являются постоянными и, ввиду того, что люди «имеют их в крови»³⁶, их нельзя изменить, разве только в том

³¹ Естественно понятие «расы» трактовалось тогда иначе, нежели в XX в. Подробнее см.: *Hahn Th.* The Difference the Middle Ages makes: Color and race before the Modern World // *Journal of Medieval and Early Modern Studies*. 2001. Vol. 31(1). P. 1–37. Вместе с тем, о появлении квазирасистских воззрений в отношении славян в Средние века говорить все же не приходится. Подобные взгляды начнут появляться лишь в эпоху Просвещения. См.: *Wolff L.* *Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of Enlightenment*. Stanford, 1994 (русский перевод: *Вульф Л.* *Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения*. М., 2003. — примеч. переводчика).

³² Это имело последствия также для эпохи Нового времени. См.: *Haynes S.* *Noah's Curse. The Biblical justification of American slavery*. Oxford, 2002.

³³ *Goldenberg D. M.* *The curse of Ham: Race and slavery in early Judaism, Christianity, and Islam*. Princeton 2003.

³⁴ Множество средневековых рассказов о Вавилонской башне собрал А. Борст: *Borst A.* *Der Turmbau von Babel. Geschichte der Meinungen über Ursprung und Vielfalt der Sprachen und Völker*. Bd. 1: Fundamente und Aufbau. Stuttgart, 1957; Bd. 2. T. 1–2: Ausbau. Stuttgart, 1958–1959; Bd. 3. T. 1–2: Umbau. Stuttgart, 1960–1961; Bd. 4: Schlüsse und Übersichten. Stuttgart, 1963.

³⁵ *Mielecinski E.* *Poetyka mitu / Tłum. J. Dancygier*. Warszawa, 1981. S. 221ff. (оригинальное издание: *Мелецинский Е. М.* *Поэтика мифа*. М., 1976. — примеч. переводчика).

³⁶ Примером могут служить весьма модные в позднее Средневековье и раннее Новое время таблицы, в которых сопоставлялись черты разных народов: *Orłowski H.* *Die Lesbarkeit von*

случае, если обладающий этими чертами народ смешается с другим народом, который придаст ему новые свойства³⁷.

При этом стоит отметить, что в XIII в., после эпохи крестовых походов, в Европе хорошо знали о расовых отличиях африканских жителей от жителей Европы³⁸. Известны многочисленные художественные изображения той эпохи, в которых подчеркивались эти отличия³⁹. Следовательно, можно рискнуть высказать предположение, что упомянутое известие автора БХИП являлось не «научным» комментарием, основанным на каком-либо глубоком размышлении, но своего рода гневной инвективой, демонстрирующей его глубокую неприязнь к славянам. На такое понимание рассматриваемого известия наводит нас информация об общем пейоративном восприятии так называемых «хамитов» в литературе той эпохи.

Есть еще один важный и корреспондирующий с приведенным выше содержанием сюжет рассматриваемой хроники. А именно, согласно нашему автору, народы, происходившие от Хама, двигаясь со своей африканской родины, жестоко атаковали другие народы, вытеснив их с территорий, в свое время отведенных для них Божьим повелением. Речь шла о потомках Сима, вытесненных из части регионов Азии, а в особенности о народах-потомках Иафета, изгнанных со значительных пространств Восточной и Центральной Европы. В последнем случае хронист имел в виду «бесправное» занятие славянами (и рутенами, видимо, воспринимавшихся автором как неславянский народ) территорий Центральной и Восточной Европы, где прежде обитали германцы.

Это сообщение является весьма интересным, обнаруживающим специфические географические и исторические познания нашего автора, а потому заслуживает более внимательного рассмотрения. Началом приводимого здесь повествования было развитие библейской схемы: «[Сыновья Иафета, которые населяют] в Европе все пространство от реки, которая зовется Днепром, [либо] которая зовется Вандальскою рекою, что протекает у Киева, вплоть до Дуная и Вислы. Сыновья же Иафета, которые проживают в Центральной Азии и вплоть до Киева, [в стране], которая теперь именуется Верхней Русией, не желая сносить тиранства сыновей Хама, отплыли к западным островам и там поселились; а именно в Шотландии, Британии, Исландии, Фризии и Швеции»⁴⁰.

Stereotypen. Ein Plädoyer // Frühneuzeitliche Stereotype. Zur Produktivität und Restriktivität sozialer Vostellungsmuster / Hrsg von M. Czarnecka, T. Jabiecki und Th. Borgstedt. Bern; Berlin; Bruxelles, 2010. S. 15–27. См. также: *Zientara B.* «Populus-gens-natio»... S. 673–682.

³⁷ Как это было отмечено в вышеприведенном комментарии Бартоломея Английского о жителях Чехии.

³⁸ Например, на своей статуе в кафедральном соборе в Магдебурге (около 1250 г.) св. Маврикий представлен темнокожим. См. также: *Zufferey M.* Der Mauritiuskult im Früh- und Hochmittelalter // *Historisches Jahrbuch.* 1986. Bd. 106. S. 23–58.

³⁹ Однако, часто все-таки случалось, что африканца св. Маврикия представляли как человека с белой кожей. Подобным же образом белый цвет кожи имели все три библейских патриарха, изображения которых использовались в символической репрезентации всей ойкумены, включая Африку.

⁴⁰ «[Iapheti filii qui habitant] in Europa omnem terram a flumine quod dicitur Neper, qui dicitur Wandalicus fluvius, quod fluid ante Kywe, usque ad Danubium et Wizlam. Fili autem Iaphet, qui habitant in media Asia et ultra Kywe, que nunc dicitur superior Ruzia, tirannidem filiorum Cham sustinere nolentes, navigio ad inferiores occidentis insulas venerunt et eas possederunt, videlicet Hiberniam, Britanniam, Hislandiam, Frisiam et Sueciam» (Chronicon imperatorum et pontificum

Тиранство, жестокость и дикая воинственность были в представлении баварского анонима настолько немилы «европейцам», что они уступили славянским народам «пространство от Руси вплоть до Рейна» (sic!), но славяне, по его словам, не перестали распространяться и после этого, вытесняя законных жителей с принадлежащих им земель⁴¹.

Следует помнить, что рассматриваемый текст принадлежит к так называемым «всемирным хроникам» и является компиляцией самых разных, в том числе античных, сочинений. Вследствие этого, после описания расположения народов в границах универсума в этом сочинении помещены, как кажется, достаточно случайно подобранные фрагменты древней и раннесредневековой истории, переписанные из других текстов. Отмеченное обстоятельство позволяет понять, что в случае с описанием происхождения и расселения славян повествование нашего автора является логически нескомпонованным, что, впрочем, часто имело место и в однородных повествованиях, носивших мифологический характер⁴².

Таким образом, в рассматриваемом сочинении сначала сообщается о вытеснении яфетидов из Центральной Европы славянскими «хамитскими» народами. Затем — во фрагменте, относящемся к римской истории — тот же самый автор снова возвращается к славянам. Однако, в этот раз он сообщает читателям о том, что император Юстиниан отправился в поход на этот народ и победил его, изгнав его из его отчины, которая располагалась в Паннонии⁴³. Победенные Юстинианом славяне бежали на север и там попали на «поля Германии», которые оставались безлюдными после истребления части германцев и изгнании оставшихся гуннами. При этом наш автор уточняет расположение упомянутых «полей», указывая, что они занимали пространство «от Заале вплоть до Вислы», которой он приписывает название «Вандальской реки»⁴⁴. Та часть славян, которая заняла эти земли, стала в честь этих полей прозываться «полянами» (то есть поляками). В это же самое время «славянин Чех» и его люди, подобно тому, как это сделали предки поляков, ушел под натиском Юстиниана из Венгрии и попал в «долины Германии» (Чехию), которая прежде оказалась обезлюдившей из-за гуннов и занял ее⁴⁵.

Bavaricum. S. 221).

⁴¹ «Sclavis locum dando a Ruziausque ad Renum, possessesunt, sediteratoconfortati minorem et majorem Cyciam possederunt et adhuc ad pristinos limites possessionis sue contra orientem se extendere et dilitare et Slavos subprimere non obmittunt...» (Ibid. P. 221).

⁴² При том, что они имели свою специфическую логику, структура нередко была построена наперекор целостности рассказа.

⁴³ Тезис о том, что славяне оказались вытеснены из Паннонии и распространились по Европе, известна из нескольких источников — например, из древнерусской «Повести временных лет».

⁴⁴ При этом он, однако, не отождествляет вандалов с поляками, как это нередко имело место в средневековой историографии. Об использовании этих названий см.: *Steinacher R. Wenden, Slawen, Vandalen. Eine frühmittelalterliche pseudologische Gleichsetzung und ihre Nachwirkung // Die Suche nach den Ursprüngen. Von der Bedeutung des frühen Mittelalters / Hrsg. von W. Pohl. Wien, 2004. S. 329–353.*

⁴⁵ «Deinde Iustinianus, contra Slavos pergens, multos es eis peremit. Tunc a facie eius fugientes, quidam eorumvenerunt ad campos Germanie, quos, occisis et fugatis ab Hunonibus Germanis, vacantes usque in Salam repererunt a Wizla, qui Wandalicus amnis dicebatur propter terminos, et eos possidentes, ydyomate suo ab eis se Polonos, id est a campis campestris, appellaverunt. Tunc

Вот так автор рассматриваемого нами сочинения закончил свое повествование, посвященное своеобразно понимаемому «этногенезу» славян. Далее в его тексте, как уже упоминалось, появляется информация, касающаяся славянских земель Центральной Европы — Чехии, Силезии и Польши. Однако, она имеет уже иной характер, нежели информация более ранних частей текста, и не имеет особенно важного значения для нашей темы.

Возвращаясь к проблеме значимости версии славянского «этногенеза», представленной в БХИП, отметим, что сюжет о происхождении славян от Хама является уникальным во всей немецкой и вообще европейской средневековой литературе. Показательно, в частности, его отсутствие в так называемых хорографиях. Так, например, в написанной на немецком языке анонимным автором в конце XIV в. весьма популярной и неоднократно копировавшейся (известно около 50 списков) «Австрийской хронике 95 правителей»⁴⁶, скомпилированной из разных источников — сочинений Оттона Фрейзингенского, Мартина Опавского и других авторов — описана всемирная история от начала до современной автору эпохи⁴⁷. В этой хронике представлены мнимые связи наследников австрийского трона с библейским Ноем, а также прослеживается генеалогия народов известной автору ойкумены. Среди европейских стран, населенных народами, происходящими от Иафета, фигурируют «*Polan*» (Польша), «*Peheim*» (Böhmen — Чехия), «*Ungerland*» (Венгрия)⁴⁸. Похожим образом представлял себе ситуацию и анонимный автор швабского продолжения «Императорской хроники» (конец XIII в.), который помещал в одной группе языки романский (*welsch*), немецкий (*tiutsch*) и славянский (*wint*)⁴⁹. Живший примерно в это же время Янс Эникель (книжник из рядов венского патрициата), когда писал о происхождении 12-ти «христианских» европейских языков от 72-х мужей, возводивших Вавилонскую башню, поместил рядом друг с другом романский (*walsch*), славянский (*windisch*) и немецкий (*diutsch*) языки⁵⁰.

Отличие БХИП от остальной средневековой немецкой литературы в том, что касается изображения происхождения славян, не означает, однако, того, что это сочинение вовсе не имело с нею никаких связей. По сути корни всех важнейших тезисов, развивавшихся анонимным автором в связи с проблемой происхождения славян, мы без труда обнаружим в средневековой немецкой книжности, которая — что следует особо подчеркнуть — была прочно укоренена в западноевропейской традиции, восходящей к античности. Проблема эта является весьма обширной, в связи с чем, за неимением возможности представить здесь все нюансы, ограничимся самым важным.

etiam Bohem Slavus similiter ut Poloni de Ungaria cum omni cognatione sua fugiens, vallem Germanie intravit et cede Hunorum depopulatum possedit et nomen suum posteritati sue et valli reliquit» (Chronicon imperatorum et pontificum Bavaricum. P. 223).

⁴⁶ Österreichische Chronik von den 95 Herrschaften / Hrsg. von J. Seemüller (MGH Deutsche Chroniken. 6). 1909. S. 1-224.

⁴⁷ Подробнее об этой хронике см.: http://www.geschichtsquellen.de/repOpus_01146.html (дата обращения: 19.02.2018).

⁴⁸ Österreichische Chronik von den 95 Herrschaften. S. 8.

⁴⁹ Kaiserchronik — zweite schwäbische Fortsetzung (MGH. Scriptorum qui vernacula lingua usunt. Vol. 1 / Hrsg. von E. Schröder. Berlin, 1964. S. 411f, vv. 21, 136).

⁵⁰ *Jans der Enikel*. Weltchronik: <http://www.dunphy.de/ac/je/wch1.htm> (дата обращения: 21.01.2018).

Так, наиболее чуждой европейской книжной традиции представляется идея причисления славян к хамитским народам и первоначальным обитателям Африки. Однако, если глубже поразмыслить над данной проблемой, то можно заметить связь концепции анонимного автора БХИП с интеллектуальным феноменом, который зародился на восточных территориях державы Каролингов, а позднее наблюдался в Германии и Центрально-Восточной Европе. Речь в данном случае идет о том, что древнейшее, зафиксированное на немецкоязычной территории, обозначение славян — *Wenden, Winiden* и т.п.⁵¹ — в Средневековье нередко отождествлялось с названием германского народа вандалов, который в V в. весьма беспокоил римлян и, перейдя через западные земли империи, осел в Африке, основав там государство, с территории которого предпринимал разорительные походы в Италию. Именование славян вандалами было известно в немецких землях еще в эпоху раннего Средневековья. Так, в конце X в. возник текст, в котором польский правитель Мешко I был назван «князем вандалов»⁵². Явление это хорошо известно и описано, вследствие чего нам нет необходимости повторять информацию, давно присутствующую в научной литературе⁵³.

Вместе с тем, это отождествление «вендов» с «вандалами» никогда, насколько нам известно, не увязывалось с выведением славян из Африки. Вандальская номенклатура славян присутствовала, главным образом, в ученой традиции, в кругу авторов из числа духовных лиц, работавших в капитульных или монастырских центрах. Не знала традиции связывать название древнего германского народа с обозначением современных славян и рождавшаяся в начале XII в. немецкоязычная эпическая литература, ориентированная на светские, слабо образованные, круги и в значительной мере создававшаяся также людьми светскими⁵⁴.

На принадлежность автора БХИП к церковным кругам указывает несколько обстоятельств. Так, обращает на себя внимание его эрудиция, а также умение соединять разные известия и формировать на их основе новую информацию. Очевидно, он все-таки знал соответствующие мотивы в позднеримской литературе, из которых сумел вывести свой тезис об африканско-хамитском происхождении славян. В свою очередь, уникальность этого тезиса свидетельствует о том, что возник он посредством независимого интеллектуального творчества автора, соответствовавшего его мировоззрению или (также) актуальным потребностям его окружения. Такую же креативность проявил автор рассматриваемого текста и в случае с известием о заселении славянами «полей Германии». Здесь он соединил свое знание географической номенклатуры античного происхождения со знанием современной ему этимологии этнонима поляков.

---

⁵¹ *Steinacher R.* Wenden, Slawen, Vandalen... S. 333. См. также: *Sowa J., Reisinger G.* Das Ethnicon «Sclavi» in den lateinischen Quellen bis zum Jahr 900. (Glossar zur frühmittelalterliche Geschichte im östlichen Europa. Bd. 6). Stuttgart, 1990. S. 106ff

⁵² *Gerhard von Augsburg.* Vita Sancti Uodalrici. II, 22: *Gerhard von Augsburg.* Vita Sancti Uodalrici. Die älteste Lebensbeschreibung des heiligen Ulrich / Hrsg. von W. Berschin und A. Häse, Heidelberg, 1993. S. 380.

⁵³ *Sowa J., Reisinger G.* Das Ethnicon «Sclavi»... S. 106, passim.

⁵⁴ *Ehrisman O.* Die Fürsten «üzer Polan». Polen in der deutschen Heldendichtung des Mittelalters // Deutsche Polenliteratur. Internationales Kolloquium, Karpacz, 3.-7. Oktober 1988. / Hrsg. von G. Kosellek. Wrocław, 1991. S. 33–44.

Проблема именованя в средневековой литературе «Германией» всей территории Центрально-Восточной Европы вплоть до Черного моря является сложной и многоаспектной, причем адекватного разбора этой темы в научной литературе все еще не представлено⁵⁵? Данное именование, очевидно, восходившее к античной римской традиции, фигурировало и в литературе, возникавшей в немецких, а также славянских землях. При этом в немецкой среде оно часто приобретало специфическое значение, подчеркивавшее права немцев на земли древней «Германии», то есть населенных славянами территорий Центрально-Восточной Европы⁵⁶.

Что интересно, опять-таки информация о якобы «прагерманском» характере территории между Эльбой и Черным морем не встречается в немецкой эпике. Авторы текстов светского происхождения, не пользовавшиеся шаблонами античного географического знания, помещали славян за пределами Германии⁵⁷. Они описывали положение славянских земель в согласии с тогдашним положением вещей, то есть начиная от Эльбы и далее на восток, который обычно оставался географически размытым. При этом они часто говорили не о народах, но о «языках», причем термин этот был понимаем не только как «речь», но и как определенная территория, свойственная данному народу. Так, Вальтер фон дер Фогельвейде (ум. около 1230) писал, что его родина простирается от Эльбы до Рейна, имея в виду, прежде всего, территорию распространения немецкого языка⁵⁸.

Вопрос обоснования в средневековой немецкой литературе высказываемого автором БХИП мнения о варварском характере славян, якобы чуждым «законным» жителям Европы, также сложен. В этом случае проблематика, выходящая далеко за пределы

⁵⁵ Проблемы не исчерпывает очерк Б. Кюрбис: *Kürbis B. Kształtowanie się pojęć geograficznych o Słowiańszczyźnie w polskich kronikach przeddługoszowych* // SA. 1953. Vol. 4. P. 252–282. — См. также: *Grabski A. F. Polska w opiniach obcych...* S. 85f.

⁵⁶ На полях следует отметить, что представление о том, что регион первоначально заняли прибывшие из Скандинавии германцы, которые затем сообща его оставили, после чего сюда прибыли славяне, все еще сохраняет свои позиции в исторической и археологической литературе, тогда как палеогенетические исследования ясно указывают на то, что местная популяция в большинстве своем постоянно проживала на территории данного региона со времен неолита. Культурные перемены осуществлялись при этом под влиянием небольших групп пришельцев. См.: *Juras A. Etnogeneza Słowian w świetle badań kopalnego DNA. Doktorat. 2012* (<https://repozytorium.amu.edu.pl/jspui/handle/10593/2702> (дата обращения: 02.14.2018); *Grzybowski T., Malyarchuk B. A., Derenko M. V., Perkova M. A., Bednarek J., Woźniak M., Complex interactions of the Eastern and Western Slavic populations with other European groups as revealed by mitochondrial DNA analysis* // *Forensic Science International Genetics*. 2007. Vol. 1. P. 141–147; *Mielnik-Sikorska M., Dąca P., Malyarchuk B., Derenko M., Skonieczna K., Perkova M., Dobosz T., Grzybowski T. The History of Slavs Inferred from Complete Mitochondrial Genome Sequences* // *PLoS ONE*. 2013. Vol. 8(1): e54360. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0054360> (дата обращения: 16.02.2018).

⁵⁷ Подобное «практичное» понимание термина «Германия» встречалось, впрочем, и в ученых работах. См., например, сочинение «Imago mundi» Гонория Августодунского, работавшего в Аугсбурге (ум. после 1125 г.), в котором говорится о двух Германиях — внутренней, расположенной от Рейна до Эльбы, и внешней, совпадающей более или менее со Скандинавией: *Honorii Imago mundi* / Ed. R. Wilmans (MGH. SS. 10). Hannover, 1852. S. 132–134.

⁵⁸ *Grabski A. F. Polska w opiniach obcych...* S. 86. См. также: *Zientara B. «Populus-gens-natio»*. s. 681 f.

средневековой Германии⁵⁹, является чрезвычайно комплексной. И здесь снова необходимо отметить, что подобный подход к славянам обнаруживается в сочинениях, создававшихся в церковных кругах и подражавших античной литературе.

Примером отличающегося подхода к славянам может служить сочинение Рудольфа из Эмса, написанное в 1250–1254 гг.⁶⁰ Рудольф из Эмса, хотя и использовал в своем труде произведения античной и раннесредневековой географической науки, прежде всего, «Этимологии» Исидора Севильского⁶¹, был автором светским и не руководствовался сугубо книжными понятиями. Притом, что он делил ойкумену традиционно на три части, а человечество на три группы, происходящие от сынов Ноя, какое-либо презрительное отношение к славянам в его труде отсутствует. Также следует здесь отметить, что понятие Германии у него совпадало не с античным термином, а с современным ему пространством, заселенным людьми, использующими разные варианты немецкого языка — *alle tiutschiu landen*, причем границами Германии были для него Рейн и Эльба⁶². В Европе Рудольфу из Эмса были известны следующие земли: Паннония, Болгария (*Pulgarie*), Румыния (*Rumenie*), Фракия, Русь, через которую течет река Днепр (*der Neppir, der durch Rúzin gat*)⁶³. Очень интересно, что наряду с Германией (*diu tiutschiu landt*), охватывающей множество стран и народов, он также использует термин широко понимаемой «Славянщины» (*windischer sprache lant*). В нее, наряду с южными славянами, он включает тех, кто жили далее к северу — чехов, мораван, поляков, русинов, хорутан, а также Ливонию и Пруссию и даже Паннонию — Венгрию⁶⁴.

Следующим произведением, которое в этой связи заслуживает краткого анализа, является «*Descriptio terrarum*» («Описание земель») ⁶⁵. К сожалению, его текст не со-

⁵⁹ Jones W. R. The Image of the Barbarian in Medieval Europe // Comparative Studies in Society and History. 1971. Vol. 13. No. 4. P. 376–400; Kaljundi L. Waiting for the Barbarians: Reconstruction of «Otherness» in the Saxon Missionary and Crusading Chronicles, 11th–13th Centuries // The Medieval Chronicle. Vol. V / Ed. E. Kooper. Amsterdam; New York 2008. P. 113–127.

⁶⁰ Такого типа работ, претендовавших на охват всего знания о прошлом, возникало в средневековой Германии много. Все они были, более или менее удачными, компиляциями разных — часто друг от друга зависимых — текстов с небольшим вкладом собственных инвенций и знаний автора. См.: Dunphy R. G. History as Literature. German World Chronicles of the Thirteenth Century in Verse. Excerpts from: Rudolf von Ems, «Weltchronik». The «Christherre-Chronik». Jans Enikel, «Weltchronik». Kalamazoo, 2003.

⁶¹ Rudolf von Ems. Weltchronik. Aus der Wernigeroder Handschrift / Ed. G. Ehrismann. Berlin, 1915. S. V. См. также: Jostkleigrew G. Zwischen symbolischer Weltdeutung und erfahrungsbasierte Raumdarstellung. Die Geographie des europäischen Raumes bei Gossuin von Metz, Rudolf von Ems, Brunetto Latini und anderen volkssprachlichen Authoren // Archiv für Kulturgeschichte. 2009. Bd. 91(2). S. 259–295.

⁶² Rudolf von Ems. Weltchronik. S. 31 f. (v.: 2224–2245).

⁶³ Rudolf von Ems. Weltchronik. S. 35 (v.: 2466). См. также: Doberentz O. Die Erd- und Völkerkunde in der Weltchronik des Rudolf von Hohen Ems // Zeitschrift für Deutsche Philologie. 1881. Bd. 12. S. 257–301, 387–454; 1882. Bd. 13. S. 29–57, 165–223.

⁶⁴ «Beheim, Merhern, Polan / und dazlant zu Rúzen, / Liflantun de Prúzin / in windischer lande marke lit. / geinsundirt litouhzeinirsit / Kernden. Dú winden schelant / in latine sint genant/ dúob rú Pannonia...» (Rudolf von Ems. Weltchronik. S. 36 (v.: 2577)).

⁶⁵ Opis krajów (*Descriptio terrarum*) — nowo odkryte źródło powstałe w związku z pojawieniem się Mongołów / Przeł. S. Młodecki, komentarz: J. Strzelczyk i Z. Wojtkowiak // Spotkanie dwóch światów. Stolica Apostolska a świat mongolski w połowie XIII wieku. Relacje powstałe

хранился целиком. В принципе то, что дошло до нашего времени, это только вступительная часть трактата, который должен был быть посвящен описанию Монгольской империи. Это государство в то время очень интересовало европейцев, причем интерес к нему концентрировался, в первую очередь, в римской курии — здесь обдумывали, каким образом остановить нападения кочевников на Восточную и Центральную Европу, а также заключить с ними союз (они были язычниками, чем давали Риму надежду на свое будущее обращение в христианство) против мусульман⁶⁶.

Анонимный автор «*Descriptio terrarum*» описывает деление мира (центр которого помещается им в Святой Земле — в Иерусалиме) на три части, то есть на Азию, населенную потомками Сима, Европу — потомками Иафета, и Африку — потомками Хама. Наш континент, названный здесь северным, согласно автору, простирался на востоке до реки Дон, за которой помещалась страна *Mongal*, то есть империя великих ханов. В качестве южной границы континента здесь выступают (подобно тому, как это было в рассмотренной выше БХИП) горы Тавр и Аман (Малая Азия и Киликия), известные из античной географии и истории. Лишь начиная с третьего раздела своего сочинения автор «*Descriptio terrarum*» переходит к описанию Европы. При этом наиболее важным здесь для него было внутреннее разделение на области церковью западной и «восточной» (включавшей не только православную, но и другие христианские церкви, не признающие верховной юрисдикции Рима). В следующем, четвертом, разделе своего трактата автор сообщает, что к северу от «Венетского моря» (Адриатики) находится страна венгров. В ней же, по его словам, помимо самих венгров, обитают также славяне, именуемые гуннами (sic!)⁶⁷. Приведенные известия ясно свидетельствуют о том, что автор трактата не обладал хорошей ориентацией в славянском мире, и, работая над своей компиляцией, использовал, главным образом, произведения позднеантичной географической литературы, а также знания средневековых авторов, в меньшей степени обращаясь к известиям современных путешественников — купцов или дипломатов.

В тексте трактата мы также находим информацию о том, что Венгрия на севере граничит с Польшей, а далее за ней к северу находится Пруссия. Страна эта достигала «Пресного моря», под которым здесь определено подразумевался Вислинский залив⁶⁸. Автор знал, что в прошлом эту территорию населяли исключительно язычники и что делом их обращения в христианство занимался епископ Кристиан. О неплохом знании автором трактата географии и современной политической ситуации земель побережья Балтики свидетельствует и упоминание им о Поморье как стране, отдельной от Польши. Видно, что анонимный автор хотел также уделить много места восточноевропейским странам, однако, о них он имел довольно туманное представление: Русь оказывалась перепутанной с Пруссией, хотя в то же время автор знал, что барьером между Русью

w związku z misją Jana di Piano Carpiniego do Mongołów / Red. J. Strzelczyk. Poznań, 1993. S. 289–301.

⁶⁶ *Umiński J.* Niebezpieczeństwo tatarskie w XIII wieku i papież Innocenty IV. Lwów, 1925. S. 24 ff.; *Fonnesberg-Schmidt I.* The Popes and the Baltic Crusades 1147–1254. Leiden; Boston, 2007. P. 212 ff.; 240 ff.

⁶⁷ *Opis krajów...* S. 290 (с. 4). Подобное отождествление встречалось в немецкой средневековой литературе и до появления «*Descriptio terrarum*». См.: *Steinacher R.* Wenden, Slawen, Vandalen... S. 333.

⁶⁸ В России именуется Калининградским заливом (*примеч. переводчика*).

и Пруссией был край ятвягов. Подобным же образом им были перечислены и другие страны, в которых господствовало Православие — Болгария, Греция и Сербия.

Из Пруссии, каковой вместе с Ливонией автором «*Descriptio terrarum*» было уделено больше всего места, оказалась выделенной Самбия, до которой, храбро воюя и распространяя христианскую веру, дошел чешский король Пржемысл Оттокар II. Следующие части текста содержат уже довольно подробные описания верований балтских народов и географии их стран, внутреннего деления краев, ими населенных. Кроме того, анонимный автор упоминает короля Литвы Миндовга, сообщая о принятии им христианства и королевской короны из апостольской столицы. Много места занимает в «*Descriptio terrarum*» также описание свершений архиепископа Риги, а также перечисление находившихся под его властью земель. Последующие части трактата были посвящены довольно тщательному описанию скандинавских и арктических территорий⁶⁹.

Последняя группа источников, которая будет нами рассмотрена в связи с темой восприятия славян в немецкой литературе XIII в., это эпические произведения. Несколько опережая собственные выводы, сразу же отметим, что, в сущности, известия этих памятников о славянах не являются ни многочисленными, ни слишком подробными и, более того, иногда они предстают почти в одном и том же виде в разных произведениях. Как правило, славяне появляются в немецкой эпике либо как военные противники, либо как разного рода статисты, на фоне которых совершаются подвиги главных героев⁷⁰. Однако и такого рода информация способна нам многое поведать о восприятии славян в Германии в период Средневековья.

Обратим сперва внимание на возникшее во второй половине XIII в. и сохранившееся только во фрагменте и только в одной версии произведение — эпическую поэму «Дитрих и Венецлан»⁷¹. Это сочинение является во всех отношениях типичным для своего жанра. Действие поэмы разворачивается в эпоху так называемого «Великого переселения народов», притом, конечно, что ни здесь, ни в одном другом сочинении такого рода данный период так не обозначался⁷². Героем эпоса является Дитрих Бернский (Веронский), прототипом которого был остготский правитель Теодорих Великий (471–526)⁷³.

Согласно поэме, Дитрих жил при дворе Этцеля, «короля гуннов» (прототипом этой фигуры являлся гуннский вождь Атила). Герой, хотя и находился в эмиграции, пользовался там уважением и славой великого воина. Как обычно происходит в героических

---

⁶⁹ Opis krajów... S. 290–293 (с. 6–13, 23).

⁷⁰ Ориентацию, в том числе и в этнической терминологии, использовавшейся в средневековой немецкой эпике, облегчает каталог: Gillespie G. T. A catalogue of persons named in German heroic literature (700–1600), including named animals and objects and ethnic names. Oxford, 1973.

⁷¹ Dietrich und Wenezlan // Deutsches Heldenbuch. Т. 5: Dietrichsabenteuer / Hrsg. von J. Zupitza. Berlin, 1870. S. 265ff. Ср. также: Alpharts Tod. Dietrich und Wenezlan. Textgeschichtliche Ausgabe / Hrsg. von E. Lienert, V. Meyer. Tübingen 2007; Heinze J. Ein führungin die mittel hoch deutsche Dietrich epik. Berlin; New York, 1999. S. 94ff.

⁷² В эпических произведениях вообще не имело места какое-либо точное датирование описываемых событий. Различные аспекты историчности средневековой эпики, особенно в контексте затронутых здесь вопросов, рассматривает Ф. Крагль: Kragl F. Die Geschichtlichkeit der Heldendichtung. Wien, 2010. S. 55ff.

⁷³ Lienert E. Die «historische» Dietrich epik. Untersuchungen zu «Dietrichs Flucht», «Rabenschlacht» und «Alphards Tod». Berlin; New York, 2010. S. 29ff.

сказаниях, популярность, которая окружала Дитриха, привлекла внимание другого лидера — Венецлана, «князя поляков» (*vürste von Bôlân* (63, 221)), который пожелал вступить с ним в поединок. Поначалу Дитрих замешкал. В том, что эпический герой не желал сразу вступить в бой, проявлялся, конечно, не страх перед противоборством с этим «господином сильного рыцарского войска» (70), который описывается в поэме как необычайно храбрый забияка⁷⁴, а обычная в таких случаях сюжетная конвенция⁷⁵. Только принужденный обстоятельствами — ставкой поединка должно стать освобождение схваченных Венецланом друзей Дитриха, а также то, что в случае отказа князь поляков намеревался напасть на гуннскую державу — эпический герой решается принять вызов. Далее в дошедшем до нас тексте наличествует лакуна, продолжение представляет собой уже описание самого сражения.

Поединок между героями произошел на пограничной реке страны Венецлана Зальце⁷⁶, к которой двинулся со своим войском Этцель вместе с Дитрихом и его людьми. Там их ожидало войско поляков, среди которых также было много русов (*Riuzen*)⁷⁷. Обе стороны встали друг против друга как на турнире. Подобающие места, чтобы наблюдать за поединком, заняли дамы. В центр поля выступили соперники — Дитрих и Венецлан. Оба сражались необычайно храбро, упорно и очень рыцарственно. Стилизованное описание борьбы занимает большую часть сохранившихся строф поэмы: герои сначала сражались сначала верхом: копыта коней страшно взрыхлили землю, от мощных ударов потрескались копыя и щиты, в движение пошли мечи, полилась кровь из ран. Далее, когда герои сражались уже пешими, их борьба продолжалась целый день вплоть до вечера. Казалось уже, что Дитрих проиграл, а «*der starke Bôlân*» (401) достигнет триумфа, но призыв к бою, прозвучавший из уст приятеля Дитриха, пробудил в нем «силу льва» (450ff.). Дитрих вернул веру в себя и снова храбро выступил вперед, оттеснив противника к рядам его войска... На этом сохранившаяся часть поэмы обрывается⁷⁸.

Уже давно было замечено, что рассматриваемое произведение — возникшее, как считается, на юге немецкого языкового пространства, вероятно, в верхней Баварии⁷⁹ — местами обнаруживает сходство с определенной частью другого, весьма пространного, произведения, известного под названием «Саги о Дитрихе Бернском» (*Thidrekssaga*)⁸⁰.

⁷⁴ «Sôküenen man ich nie gesach / in allen mînenzîten / weder nâhen noch wîten» (*Ehrisman O. Die Fürsten «üzer Polan»*. Polen in der deutschen Heldendichtung des Mittelalters // Deutsche Polenliteratur / Hrsg. von G. Kozellek. Wrocław, 1991. S. 40).

⁷⁵ *Campbell J. A Hero with a Thousand Faces*. Princeton; Oxford 2004. P. 54ff.

⁷⁶ В этом названии пытались искать отражение неких географических реалий (см.: *Eis G. Zu Dietrichs Slawenkämpfen* // *Zeitschrift für deutsches Altertum*. 1952/3. Bd. 84. S. 72, 75), хотя едва ли в данном случае это представляется возможным.

⁷⁷ Подробнее о проблеме см.: *Keller M. Perspektiven: Vortellungen von «Riuzen» in der deutschen Literatur des Mittelalters* // *Russen und Rußland aus deutscher Sicht, 9-17 Jahrhundert* / wyd. M. Keller, U. Dettbarn, K.-H. Korn. München, 1985. S. 84-110. См. также: *Kragl F. Die Geschichtlichkeit der Heldendichtung*. S. 84ff.

⁷⁸ *Ehrisman O. Die Fürsten «üzer Polan»*... S. 40f.

⁷⁹ *Heinzle J. Einführung in die mittelhochdeutsche Dietrichepik*. S. 95.

⁸⁰ *Die Thidrekssaga oder Dietrich von Bern und die Niflungen* / Hrsg. von F. H. von der Hagen. St. Goar, 1989.

Происхождение саги также датируется XIII в., а географически связывается с северной Германией и норвежским Бергеном, с которым ганзейские города имели близкий контакт⁸¹. Третья глава саги касается преимущественно славянского мира, особенно страны велетов / лютичей, в связи с чем эта часть произведения иногда именуется «велетской сагой». Ее содержание, по большей части фантастическое, необходимо нам для дополнения прерванного повествования поэмы «Дитрих и Венецлан», а также для выявления общего контекста скромных известий о славянстве в обоих произведениях, в связи с чем нам стоит к нему ближе присмотреться.

В рассматриваемой части «Саги о Дитрихе Бернском», в первую очередь, рассказывается о том, как король велетов Вильцин (*Vilcinus*) победил короля русов Ортнита (*Hertnit*), занял его столицу Хольмгард (Новгород) и обложил его страну данью. На обратном пути на родину, где-то на Балтике, корабль Вильцина оказался остановлен сиреной, которая затем стала его женой и родила ему сына по имени Вади (*Vadi*). Вади получил от своего отца владения в Швеции (*sic!*), в то время как другой сын Вильцина, Нордиан, унаследовал королевство велетов. Однако, после смерти Вильцина Ортниту удалось победить Нордиана. Королем велетов поэтому стал сын Ортнита Осантрикс, в то время как Русь и Польшу унаследовал другой из его сыновей Вальдимар. Ортнит оставил Нордиану лишь датскую (!) Зеландию. Через некоторое время король русов и поляков напал на страну Этцеля и взял среди прочих в заложники одного из его знаменитых рыцарей. В ответ король гуннов, столица которого находилась в Зосте в Северной Рейн-Вестфалии, напал на страну велетов (и одновременно русов, тогда как поляки некоторым образом ушли в тень)⁸².

Эта сводка географических данных хорошо показывает, что для автора / авторов саги реалии славянского мира представлялись довольно смутными. Для нас в данном случае самым важным является факт соединения друг с другом — в одной властной структуре и даже в одном государстве — крайне далеких друг от друга славянских стран. Существенно также и то, что в эпическом повествовании славянский мир не был сколько-нибудь четко отделен от Скандинавии.

Возвращаясь к рассмотрению сюжета саги, следует обратить внимание на то, что подобно тому, как это было в рассмотренной выше поэме, здесь также дошло до поединка героев, который должен был решить судьбу пленников и вопрос мира и войны. Со стороны Этцеля на поединок вышел уже известный нам Дитрих (Тидрик) Бернский, а со стороны славян — сын короля Вальдимара, который — что любопытно — тоже носил имя Дитрих⁸³. Подобно тому, как это было представлено в поэме «Дитрих и Венецлан», и здесь схватка двух героев происходила в присутствии восхищавшихся ею дам, а также обеих армий. В этом случае, однако, исход сражения нам известен:

---

⁸¹ *Ehrisman O.* Die Fürsten «üzer Polan»... S. 41. — См. также: *Heinzle J.* Einführung in die mittelhochdeutsche Dietrichepik. S. 38ff, 95ff.; *Haymes E. R.* Reflections of German oral tradition in Thidrek's Saga // Crossings — Kreuzungen: A Festschrift for Helmut Kreuzer / Ed. by E. R. Haymes. Columbia (S.C.), 1990. P. 63–70.

⁸² *Eis G.* Zu Dietrichs Slawenkämpfen. S. 74–75.

⁸³ Кажется, что этот вымышленный персонаж связан с носившим то же имя чешским витязем, о деяниях которого упоминал хронист Козьма Пражский (3,31 и 3,36) (*Cosmae <Pragensis>* Chronicon Boemorum / Ed. B. Bretholz (MGH. SS. S.N. T. 2). Berlin, 1923). Ср.: *Eis G.* Zu Dietrichs Slawenkämpfen. S. 78ff.

победил — хотя и с большим трудом — Дитрих Бернский, которому удалось не только одолеть своего противника, но даже его связать. После этого, однако, началась всеобщая битва и затем — о чудо! — войско Этцеля бежало с поля, испугавшись «штурма русов» (определение, которое встречается также в поэме о Дитрихе и Венецлане⁸⁴). В результате открылась сцена для демонстрации доблести Дитриха и его людей. Этот фрагмент эпического повествования изобилует многими стереотипными решениями, и хотя сам по себе он представляет интерес, он слабо связан с рассматриваемой нами темой, вследствие чего мы вынесем его за скобки.

Перейдем теперь к другому эпическому произведению, содержащему интересующие нас упоминания о славянах — поэме «Битерольф и Дитлиб»⁸⁵. Это одно из самых пространных эпических произведений древнегерманской литературы, созданное около 1260 г., вероятно, в Австрии⁸⁶. Так же, как и в других сочинениях такого рода, король гуннов Этцель выступал здесь в качестве той оси, вокруг которой выстраивался весь сюжет повествования. Однако, главными персонажами были здесь другие герои — Битерольф и его сын Дитлиб. Славяне, хотя и эпизодически, появляются как среди людей короля гуннов, так и среди его противников.

Нас во всем эпосе интересует только предпринятый Этцелем поход против поляков и параллельно пруссов. Одним из предводителей похода, помогавших королю в этом предприятии, был Хорнбог (*Hornboge*), сам являвшийся «герцогом Польши» (*von Polan der hertzoze*) (1231 ff.). Среди прочих он вел с собой и лучников — валахов (*Wlâchen*). Стоит упомянуть, что этот же воин появляется и в других созданных в ту эпоху немецких эпических произведениях. Так, в поэме «Битва под Равенной» («*Die Rabenschlacht*»)⁸⁷ Хорнбог «*von Bôlân*» (46) оказал Дитриху Бернскому поддержку против Эрманариха (Одоакра) и с тремя отрядами своих воинов нанес значительный ущерб вражескому воинству (616–617). В такой же роли Хорнбог выступает и в поэме «*Dietrichs Flucht*»⁸⁸, являющейся, в сущности, продолжением «Битвы под Равенной» (5904, 8593). Хорнбог погиб под Миланом: его имя фигурирует в перечне погибших.

В поэме «Битерольф и Дитлиб» Хорнбог участвовал в войне вместе с другими прекрасными «*stolze helde jounge*» (3541) воинами. Среди них особенно выделялся Дитлиб, который воспитывался без отца, прибывшего к Этцелю на много лет раньше, на своей родине в Толедо. После своего присоединения к войску гуннов Дитлиб не имел возможности встретиться с Битерольфом и не знал даже черт лица своего отца. В это время Герман, «князь поляков», необычайно храбро воевал против гуннов, предводительствуемых Битерольфом (3578ff.). Воины Германа, среди которых снова обнаруживаются русы, сразили более трех тысяч людей Этцеля (3767), после чего в дело вступил Дитлиб. Этот мужественный воин сумел занять для короля гуннов Поморье, которое впоследствии Этцель передал ему в лен.

⁸⁴ *Ehrisman O.* Die Fürsten «üzer Polan»... S. 40f.; *Eis G.* Zu Dietrichs Slawenkämpfen. S. 74, 77.

⁸⁵ Biterolf und Dietlieb // *Deutsches Heldenbuch*. T. 1 / Hrsg. von O. Jänicke. Berlin, 1866. Новое издание: Biterolf und Dietleib / Hrsg. von A. Schnyder. Bern; Stuttgart, 1980.

⁸⁶ *Heinzle J.* Biterolf und Dietlieb // *Lexikon des Mittelalters*. T. 2. Stuttgart 2000. S. 253; *Millet V.* Germanische Heldendichtung im Mittelalter. Berlin; New York, 2008. S. 371ff.

⁸⁷ Alpharts Tod. Dietrichsflucht. Rabenschlacht // *Deutsches Heldenbuch*. T. 2 / Hrsg. von E. Martin. Berlin, 1866.

⁸⁸ Dietrichs Flucht. Textgeschichtliche Ausgabe / Hrsg. von E. Lienert, G. Beck. Tübingen 2003.

В одной из битв с поляками и русами, которые, согласно автору, воевали неустрасимо⁸⁹, Дитлиб, еще более мужественный, чем они, в боевом неистовстве врезался в самый центр войск противника, никого не щадя. В забытьи герой атаковал самого Битерольфа, которого принял за одного из поляков. Тяжело ранив своего отца, он убил бы его, если бы в последний момент кто-то, знавший обоих воинов, не открыл им правду об их родстве. Эта битва была выиграна войсками гуннов, так же как и вся война. Князь Герман был схвачен, и Этцель, разгневанный понесенными им тяжелыми потерями среди своих людей, хотел убить пленника. Лишь под воздействием сильной просьбы своей жены Хельхи правитель гуннов помиловал Германа и даже позволил ему возвратиться в свою родную страну, передав ему ее в управление в качестве лена (3975ff.). Люди Германа, так же как и побежденные Этцелем пруссы, оказались в войске гуннов. Перед началом воспетой в эпосе битвы под Вормсом над ними насмеялся брат Этцеля Блэделин, говоря, что оба эти народа не знают обычаев турнира (8275 ff.). Для аудитории поэмы это, должно быть, был серьезный упрек, касавшийся неумения себя вести и незнания важного для той эпохи элемента придворной культуры⁹⁰.

В самом знаменитом немецком эпическом произведении Средневековья, «Песни о Нибелунгах», никто из славян не был назван по имени. Находились они, однако, в войске Этцеля, среди других народов Восточной и Южной Европы и вместе с ними составляли великолепную свиту вождя гуннов: «*Von Riuzen und von Kriechen / den Poelân unt von Walachen / ir ros die vil guoten, / reit dâ vil manic man / sach man swinde gân / dâ sie mit kreften riten*» (1339). Описание это выглядит довольно типичным, если принять во внимание перечни состоявших из разных народов отрядов, составлявших свиты эпических правителей⁹¹. Отличия заключались лишь в очередности перечисления либо отдельных элементах этого состава⁹².

В «Хронике императоров» (*Kaiserchronik*)⁹³, созданной около середины XIII в. и занимающей промежуточное положение между тиичной историографией и эпикой, мы находим похожие строфы: «*Riuzen unde Pomerân, / Priuzen unde Pôlân, / Petsenaere und*

⁸⁹ Ehrisman O. Die Fürsten «üzer Polan»... S. 39.

⁹⁰ Bumke J. Höfische Kultur: Literatur und Gesellschaft im hohen Mittelalter. T. I–II. München, 2005.

⁹¹ См.: Knappe K.-B. Repräsentation und Herrschaftszeichen. Zur Herrscherdarstellungen in der vorhöfischen Epik. München, 1974. S. 71 ff. Подобное же значение имели описания раздач земель великими правителями своим ленникам. Например, король Ротхер, находясь в Бари на вершине своего могущества, раздавал лены, причем господин из Тенгерлинде получил в лен «*Osterriche [...] onde Polen*» (4871 ff.) (König Rother. *Mittelhochdeutsch — Neuhochdeutsch* / Hrsg. von I. Bennewitz, P. K. Stein und al. Stuttgart, 2010. S. 364–365). Похожим образом отправка Дитрихом послов с известием о своем браке, в том числе к полякам (*Polant*), должна была свидетельствовать о величии и широкой славе героя (Dietrichserste Ausfahrt / Hrsg. von F. Stark. Stuttgart, 1860. (841)). Подобный же характер имеет и перечисление земель, покоренных Карлом Великим, в немецкой версии «Песни о Роланде» середины XIII в.: Der Stricker, *Erzählungen, Fabeln, Reden. Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch* / Hrsh. von O. Ehrismann. Stuttgart, 1992. (339). См. также: *Rolandslied des Pfaffen Konrad* / Hrsg. von C. Wesle. Tübingen, 1985. S. 92 (1770), 248 (6839 ff.).

⁹² Ehrisman O. Die Fürsten «üzer Polan»... S. 35.

⁹³ *Deutsche Kaiserchronik // Deutsche Chroniken und andere Geschichtsbücher des Mittelalters* (MGH. SS. 1,1) / Hrsg. von E. Schröder. Hannover 1892.

Valwen, / *Sclavenie kômen willeclîche*) (14021 ff.). Однако, в этом случае речь идет об описании армии Дитриха Бернского, которая направлялась против Эрменриха (Одоакра). Знаменательно, что, несмотря на определенные рокировки в этих составах, мы обнаруживаем в этих перечнях неизменные общие принципы. А именно, там всегда присутствуют народы из регионов Восточной и Южной Европы; поляки выступают в одном ряду с русами (*Riuzen*), валахами (*Valven*, *Wlâchen*) и пруссами (*Priuzen*; правда, они иногда смешиваются с *Riuzen*); список могли дополнять также печенеги (*Petsenaere*) или поморяне (*Pomerân*), а также греки (*Kriechen*) и даже турки.

В «Хронике императоров»⁹⁴ все народы «востока» оказались отождествлены со славянами, но — что следует подчеркнуть — это не сопровождалось какими-либо пейоративными комментариями. Славяне следуют за Этцелем добровольно, причем, как можно предполагать, с воодушевлением (*Sclavenie kômen willeclîche*). В «Песни о Нибелунгах» о них говорится как о мужественных (*manicman*) воинах, хорошо скачущих на конях (*kreften riten*). В других эпических памятниках также подчеркивается, что воюют славяне дерзко и необычайно упорно. Для нас сегодня подобные определения сохранили только какую-то часть своего первоначального значения, в то время как для создателей эпических произведений, а также их аудитории, имели они четко определенный смысл — только человек храбрый, умеющий и желающий воевать, чего-то стоил в кругу придворно-рыцарской культуры, все прочие, если только они не являлись клириками, заслуживали презрения⁹⁵.

Как мы могли видеть, славяне являлись лишь фоном для главных персонажей эпических произведений; их достоинства позволяли Дитриху Бернскому и иным героям продемонстрировать свое великопение. Этому, однако, не следует удивляться: каждая традиционная литература (и ментальность) подчеркивала, прежде всего, достоинства «своих» либо признаваемых за «своих», тогда как «другие» всегда должны были быть каким-то образом хуже. Эту «чужеродность» славян в эпических произведениях можно заметить без труда: она либо выступала в завуалированной форме, либо выражалась прямо. Так, первый случай обнаруживается, например, в поэме «Кудрун», герой которой Хаген, как «рассказывали некоторые, был правителем в Польше» (288 ff.). По мнению автора поэмы, это не могло быть правдой, а лишь «ложью и бессмыслицей, ибо не соответствовало повести»⁹⁶. Мы точно не знаем, как понимать это утверждение, но, кажется, что речь здесь шла о том, что столь выдающийся герой не мог происходить из круга культуры «нерыцарской», а, следовательно, трактовавшейся как более низкая. Предполагать такую интерпретацию фразы позволяет продолжение стихов с известием, что «Хаген и его люди были весьма хорошо одеты», а также ранее уже приводившийся фрагмент поэмы «Битерольф и Дитлиб» с высказыванием брата Этцеля Блѣделина о том, что поляки не знают обычаев турнира (8275 ff.), что, вероятно, отражало распространенное в соответствующей немецкой среде в XIII в. мнение. Похожее значение

⁹⁴ Die «Kaiserchronik» eines Regensburger Geistlichen / Hrsg. von E. Schröder (MGH SS I), Hannover 1895.

⁹⁵ См., например: *Bertran de Born. Pochwała wojny* // *Kowalski J. Niezbędnik trubadura*. Poznań, 2007. S. 300ff.

⁹⁶ «...sô wir hoeren sagen, / daz er herrewære / ze Pôlân lasterlîche, / si liegentobelîche; / ez<en> ist dem mærenihtgelîche» (Kudrun. Mittelhochdeutsch — Neuhochdeutsch / Hrsg. von U. Störmer-Caysa. Stuttgart, 2010. S. 96 f.).

имело и определение поляков, а также других «восточных» народов как язычников⁹⁷. Такое определение могло бы показаться удивительным на фоне существовавшего тогда убеждения, что уже святой цесарь Генрих II (1002/14–1024) силою обратил поляков и венгров в христианство⁹⁸, но в данном случае мы сталкиваемся именно с подчеркиванием культурных различий, представлением славян чужаками⁹⁹.

Однако — и это важно подчеркнуть, подводя итог нашему рассмотрению — мы не находим в немецких эпических текстах эпохи зрелого Средневековья такой границы между немцами и славянами, которая бы четко — так, как это было в рассмотренных нами в начале нашего очерка ученых сочинениях, — делила европейскую ойкумену на часть «цивилизованную» и часть «дикую», исполненную хаосом и злом. Славяне воспринимались в эпических произведениях как чужие, и в отношении к ним, действительно, ощущалась определенная дистанция, но в этом не было ничего удивительного: такого рода отношение является понятным, если принять во внимание различия между немцами и славянами в языке, обычаях и прочие. Важно, что при всем этом восприятие славян как чужаков, которое можно наблюдать в средневековой немецкой эпике, не связывалось с каким-либо теоретизированием на тему их «врожденной дикости». Следовательно, распространение на людей светских рассмотренных выше стереотипов, присутствовавших в элитарных ученых и церковных кругах, должно было произойти гораздо позднее.

Перевод с польского Д. Е. Алимova

Информация о статье

Автор: Плешчиньски, Анджей — доктор истории, профессор, Университет им. М. Склодовской-Кюри, Люблин, Польша. a.pleszczynski@poczta.umcs.lublin.pl

Заголовок: Славяне в немецкой литературе XIII в.: Проблемы восприятия

Резюме: В статье показано, что в том, как воспринимались славяне в немецкой литературе в XIII в., преобладали два фактора. Первым из них была древняя традиция, согласно которой все народы, населявшие северную часть Европы, считались варварами. С восприятием традиций Римской империи немецкими правителями официальные немецкие сочинения, связанные с императорским двором и, как правило, создававшиеся духовенством, обращали внимание на то, что все народы Центральной и Восточной Европы, избегшие власти империи, являются «худшими» в сравнении с народами, населявшими западную часть континента. Иногда, особенно в ситуации политических конфликтов, такое восприятие ситуации приобретало характер враждебного отношения к славянам. Однако, такое восприятие славян было чуждо литературе, созданной мирянами, особенно эпическим произведениям, а также историографии или трудам энциклопедического характера. В этом случае решающим фактором была не античность, а эмпирический опыт взаимных контактов между славянами и немцами, которые были различными и никоим образом не были постоянно враждебными.

---

⁹⁷ *Buschinger D.* Deutsch-polnische Wechselbeziehungen im Mittelalter // *Deutsche Polenliteratur.* S. 46, 48.

⁹⁸ *Ibid.* S. 47. — Ср.: *Die Vita sancti Heinrici regis et confessoris und ihre Bearbeitung durch den Bamberger Diakon Adelbert / Ed. M. Stumpf (MGH. SS. 69).* Hannover, 1999. S. 237.

⁹⁹ Неоднократно замечали это разделение христианской Европы в Средневековье современные западные исследователи. См., например: *Hoffmann R.* Outsiders by birth and blood: Racist ideologies on peripheries of medieval Europe // *Studies in Medieval and Renaissance History.* 1983. Vol. 6. P. 1–34; *Pochat G.* Das Fremde im Mittelalter: Darstellung in Kunst und Literatur. Würzburg, 1997.

Ключевые слова: средневековая немецкая литература, средневековые славяне, этничность, стереотипы, ментальная география

Литература, использованная в статье:

Anzulewicz, Henryk. «Editio Coloniensis». Krytyczne wydanie dzieł św. Alberta Wielkiego // Przegląd Tomistyczny. 1987. Vol. 3. S. 237–240.

Borst, Arno. Der Turmbau von Babel. Geschichte der Meinungen über Ursprung und Vielfalt der Sprachen und Völker. Bd. I: Fundamente und Aufbau. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1957. 357 s.; Bd. II: Ausbau. Teil 1. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1958. 252 s.; Teil 2. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1959. 236 s.; Bd. III. Umbau. Teil 1. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1960. 442 s.; Teil 2. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1961. 488 s.; Bd. IV: Schlüsse und Übersichten, Stuttgart: Anton Hiersemann, 1963. 437 s.

Brincken, Anna-Dorothee von den. Das geographische Weltbild um 1300 // Das geographische Weltbild um 1300. Politik im Spannungsfeld von Wissen, Mythos und Fiktion / Hrsg. von Peter Moraw. Berlin: Duncker & Humblot, 1989. S. 9–32.

Bumke, Joachim. Höfische Kultur: Literatur und Gesellschaft im hohen Mittelalter. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2005. 860 s.

Buschinger, Danielle. Deutsch-polnische Wechselbeziehungen im Mittelalter // Deutsche Polenliteratur. Internationales Kolloquium, Karpacz, 3.–7. Oktober 1988. / Hrsg. von Gerhard Kosellek. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1991. S. 45–53.

Campbell, Joseph. The Hero with a Thousand Faces. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2004. 403 p.

Curta, Florin. The making of the Slavs. History and archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 436 p.

Doberentz, Otto. Die Erd- und Völkerkunde in der Weltchronik des Rudolf von Hohen Ems // Zeitschrift für deutsche Philologie. 1881. Bd. 12. S. 257–301, 387–454; 1882. Bd. 13. S. 29–57, 165–223.

Dunphy, Raymond Graeme. History as Literature. German World Chronicles of the Thirteenth Century in Verse. Kalamazoo: Western Michigan University; Medieval Institute Publications, 2003. 186 p.

Ehrisman, Otfred. Die Fürsten «üzer Polan». Polen in der deutschen Heldendichtung des Mittelalters // Deutsche Polenliteratur. Internationales Kolloquium, Karpacz, 3.–7. Oktober 1988. / Hrsg. von Gerhard Kosellek. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1991. S. 33–44.

Eis, Gerhard. Zu Dietrichs Slawenkämpfen // Zeitschrift für deutsches Altertum. 1952/3. Bd. 84. S. 70–84.

Fonnesberg-Schmidt, Iben. The Popes and the Baltic Crusades 1147–1254. Leiden; Boston: Brill, 2007. 287 p.

Gillespie, George T. A catalogue of persons named in German heroic literature (700–1600), including named animals and objects and ethnic names. Oxford: Clarendon Press, 1973. 203 p.

Goldenberg, David M. The Curse of Ham: Race and Slavery in Early Judaism, Christianity, and Islam. Princeton: Princeton University Press, 2003. 448 p.

Grabski, Andrzej Feliks. Polska w opiniach obcych X–XIII wieku. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1964. 414 s.

Grzybowski, Tomasz; Malyarchuk, Boris A.; Derenko, Miroslava V.; Perkova, Maria A.; Bednarek, Jaroslaw; Woźniak, Marcin. Complex interactions of the Eastern and Western Slavic populations with other European groups as revealed by mitochondrial DNA analysis // Forensic Science International Genetics. 2007. Vol. 1. P. 141–147.

Hahn, Thomas. The Difference the Middle Ages Makes: Color and Race before the Modern World // Journal of Medieval and Early Modern Studies. 2001. Vol. 31. P. 1–37.

Haymes, Edward R. Reflections of German oral tradition in Thidrek's Saga // Crossings — Kreuzungen: A Festschrift for Helmut Kreuzer / Ed. by Edward R. Haymes. Columbia (S.C.): Camden House, 1990. P. 63–70.

Haynes, Stephen R. Noah's Curse: The Biblical Justification of American Slavery. Oxford: Oxford University Press, 2002. 384 p.

Heinzle, Joachim. Biterolf und Dietleib // Lexikon des Mittelalters. Bd. 2. Stuttgart: Artemis 2000. S. 253.

Heinzle, Joachim. Einführung in die mittelhochdeutsche Dietrichepik. Berlin; New York: Walter De Gruyter, 1999. 221 s.

Hoffmann, Richard C. Outsiders by birth and blood: Racist ideologies on peripheries of medieval Europe // Studies in Medieval and Renaissance History. 1983. Vol. 6. P. 1–34.

Honigmann, Ernst. Die sieben Klimata und die «Poleis episēmoi». Eine Untersuchung zur Geschichte der

Geographie und Astrologie im Altertum und Mittelalter. Heidelberg: C. Winter's universitätsbuchhandlung, 1929. 247 s.

Jones, William R. The image of the Barbarian in medieval Europe // *Comparative Studies in Society and History*. 1971. Vol. 13. No. 4. P. 376–40.

Jostkleigrewe, Georg. Zwischen symbolischer Weltdeutung und erfahrungsbasierte Raumdarstellung. Die Geographie des europäischen Raumes. Die Geographie des europäischen Räum bei Gossuin von Metz, Rudolf von Ems, Brunetto Latini und anderen volkssprachlichen Autoren // *Archiv für Kulturgeschichte*. 2009. Bd. 91. Nr. 2. S. 259–295.

Juras, Anna. Etnogeneza Słowian w świetle badań kopalnego DNA. Praca doktorska. Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. <https://repozytorium.amu.edu.pl/jspui/handle/10593/2702> (дара обращения: 09.06.2018).

Kaljundi, Linda. Waiting for the Barbarians: Reconstruction of «Otherness» in the Saxon missionary and crusading chronicles, 11th–13th centuries // *The Medieval Chronicle V* / Ed. Erik Kooper. Amsterdam; New York: Rodopi, 2008. P. 113–127.

Keen, Elizabeth Joy. The journey of a book : Bartholomew the Englishman and the Properties of things. Canberra: ANU E Press, 2007. 199 p.

Keller, Mechthild. Perspektiven: Vortellungen von «Riuzen» in der deutschen Literatur des Mittelaltes // *Russen und Rußland aus deutscher Sicht, 9.–17. Jahrhundert* / Hrsg. von Mechthild Keller, Ursula Dettbarn, Lev Kopelev. München: Fink, 1985. S. 84–110.

Knappe, Karl-Bernhard. Repräsentation und Herrschaftszeichen. Zur Herrscherdarstellungen in der vorhöfischen Epik. München: Arceo-Gesellschaft, 1974. 299 s.

Kragl, Florian. Die Geschichtlichkeit der Heldendichtung. Wien: Fassbaender Verlag, 2010. 188 s.

Krawiec, Adam. Ciekawość świata w średniowiecznej Polsce. Studium z dziejów geografii kreatywnej. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2010. 510 s.

Kürbis, Brygida. Kształtowanie się pojęć geograficznych o Słowiańszczyźnie w polskich kronikach przeddługoszkowych // *Slavia Antiqua*. 1953. T. 4. S. 252–282.

Lidaka, Juris G. Bartholomaeus Anglicus in the Thirteenth Century // *Pre-Modern Encyclopaedic Texts* / Ed. by Peter Binkley. Boston; Leiden: Brill, 1997. P. 393–406.

Lienert, Elisabeth. Die «historische» Dietrichepik: Untersuchungen zu «Dietrichs Flucht», «Rabenschlacht», «Alphards Tod». Berlin; New York: Walter De Gruyter, 2010. 306 s.

Merrills, Andy. Geography and Memory in Isidore's «Etymologies» // *Mapping Medieval Geographies* / Ed. by Keith D. Lilley. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 45–64.

Meyer, Heinz. Die Enzyklopädie des Bartholomäus Anglicus. Untersuchungen zur Überlieferungs- und Rezeptionsgeschichte von «De proprietatibus rerum». München: Wilhelm Fink, 2000. 524 s.

Mieletinski, Eleazar. Poetyka mitu / Tłum. Józef Dancygier. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1981. 480 s.

Mielnik-Sikorska, Marta; Daca, Patrycja; Malyarchuk, Boris A.; Derenko, Miroslava V.; Skonieczna, Katarzyna; Perkova, Maria; Dobosz, Tadeusz; Grzybowski, Tomasz. The History of Slavs Inferred from Complete Mitochondrial Genome Sequences // *PLoS One*. 2013. Vol. 8. Issue 1: e54360.

Millet, Victor. Germanische Heldendichtung im Mittelalter: Eine Einführung. Berlin; New York: Walter De Gruyter, 2008. 503 s.

Müller, Michael. Die Annalen und Chroniken im Herzogtum Bayern 1250–1314. München: Beck, 1983. 306 s.

Odhiambo, Nicholas Oyugi. Ham's Sin and Noah's Curse and Blessing Utterances. Bloomington: Author House, 2014. 200 p.

Orłowski, Hubert. Die Lesbarkeit von Stereotypen. Ein Plädoyer // *Frühneuzeitliche Stereotype. Zur Produktivität und Restriktivität sozialer Vostellungsmuster* / Hrsg. von Mirosława Czarnecka, Thomas Borgstedt, Tomasz Jabłecki. Bern; Berlin; Bruxelles: Peter Lang, 2010. S. 15–28.

Pieradzka, Krystyna. Genealogia biblijna i rodowód Słowian w pierwszej księdze «Annales» Jana Długosza // *Nasza Przeszłość. Studia z dziejów Kościoła i kultury katolickiej w Polsce*. 1958. T. 8. S. 83–116.

Pochat, Götz. Das Fremde im Mittelalter. Darstellung in Kunst und Literatur. Würzburg: Echter, 1997. 164 s.

Reisinger, Jutta; Sowa, Günter. Das Ethnicon «Sclavi» in den lateinischen Quellen bis zum Jahr 900 (Glossar zur frühmittelalterliche Geschichte im östlichen Europa. Bd. 6). Stuttgart: F. Steiner 1990. 233 s.

Seymour, Michael C. Bartholomaeus Anglicus and his Encyclopedia. Aldershot: Ashgate, 1992. 263 p.

Steinacher, Roland. Wenden, Slawen, Vandalen: Eine frühmittelalterliche pseudologische Gleichsetzung und ihre Nachwirkungen // Die Suche nach den Ursprüngen / Hrsg. von Walter Pohl. Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2004. S. 329–353.

Tamm, Marek. A New World into Old Worlds: The Eastern Baltic Region and the Cultural Geography of Medieval Europe // The Clash of Cultures on the Medieval Baltic Frontier / Ed. by Alan V. Murray. Farnham: Ashgate, 2009. P. 11–36.

Tyszkiewicz, Lech A. Słowianie w historiografii antycznej do połowy VI wieku. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1990. 218 s.

Tyszkiewicz, Lech A. Słowianie w historiografii wczesnego średniowiecza od połowy VI do połowy VII wieku. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1994. 216 s.

Tyszkiewicz, Lech A. Wschodni sąsiedzi Niemiec w historiografii końca X i początków XI stulecia // Śląski Kwartalnik Historyczny Sobótka. 1982. Rocz. 37. S. 1–12.

Umiński, Józef. Niebezpieczeństwo tatarskie w połowie XIII wieku i papież Innocenty IV. Lwów: Towarzystwo Biblioteka Religijna, 1922. 152 s.

Wejwoda, Marek. Dietrich von Bocksdorf und seine Bücher. Rekonstruktion, Entwicklung und inhaltliche Schwerpunkte einer spätmittelalterlichen Gelehrtenbibliothek. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2014. 270 s.

Wolff, Larry. Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of Enlightenment. Stanford (Calif.): Stanford University Press, 1994. 419 p.

Zientara, Benedykt. «Populus-gens-natio». Z zagadnień wczesnośredniowiecznej terminologii etnicznej // «Cultus et Cognition». Studia z dziejów średniowiecznej kultury / Red. Stefan K. Kuczyński. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1976. S. 673–682.

Zufferey, Maurice. Der Mauritiuskult im Früh- und Hochmittelalter // Historisches Jahrbuch. 1986. Bd. 106. S. 23–58.

Information about the article

Author: Pleszczyński, Andrzej — Ph.D. in History, Professor, Maria Curie-Skłodowska University, Lublin, Poland. a.pleszczyński@poczta.umcs.lublin.pl

Title: The Slavs in the 13th century German literature: Problems of perception

Summary: The article shows that the perception of the Slavs appearing in German literature in the 13th century was dominated by two factors. The first of these was the ancient tradition, which considered all the peoples inhabiting areas of northern Europe to be Barbarians. With the takeover of the Roman empire tradition by the German rulers, the official German writings associated with the imperial court as a rule created by the clergy, treated all peoples of Central and Eastern Europe escaping the power of the Reich as worse than peoples inhabiting Western part of the continent. Sometimes, especially in the situation of political conflicts, this manner took on the character of hostility towards the Slavs. This kind of manner was foreign to the literature created by lay people, especially epic but also historiography, or quasi-encyclopedic works. In this case, the decisive factors were not antique but the empiricism of mutual contacts between Slavs and Germans, which were various and were in no way permanently hostile.

Keywords: medieval German literature, medieval Slavs, ethnicity, stereotypes, mental geography

References:

Anzulewicz, Henryk. «Editio Coloniensis». Krytyczne wydanie dzieł św. Alberta Wielkiego [«Editio Coloniensis». A critical edition of Albertus Magnus's works], in *Przegląd Tomistyczny*. 1987. Vol. 3. Pp. 237–240 (in Polish).

Borst, Arno. *Der Turmbau von Babel. Geschichte der Meinungen über Ursprung und Vielfalt der Sprachen und Völker* [The Tower of Babel. History of opinions on the origin and diversity of languages and peoples]. Vol. I: Fundamente und Aufbau [Foundations and structure]. Stuttgart, Anton Hiersemann Publ., 1957. 357 p.; Vol. II: Ausbau [Expansion]. Part 1. Stuttgart, Anton Hiersemann Publ., 1958. 252 p.; Part 2. Stuttgart, Anton Hiersemann Publ., 1959. 236 p.; Vol. III. Umbau [Modification]. Part 1. Stuttgart, Anton Hiersemann Publ., 1960. 442 p.; Part 2. Stuttgart, Anton Hiersemann Publ., 1961. 488 p.; Vol. IV: Schlüsse und Übersichten [Conclusions and overviews]. Stuttgart, Anton Hiersemann Publ., 1963. 437 p. (in German).

Brincken, Anna-Dorothee von den. Das geographische Weltbild um 1300 [The geographic world view around 1300], in Moraw, Peter (ed.). *Das geographische Weltbild um 1300. Politik im Spannungsfeld von Wissen, Mythos und Fiktion* [The geographic world view around 1300. Politics in the field of tension of knowledge, myth and fiction]. Berlin, Duncker & Humblot Publ., 1989. Pp. 9–32 (in German).

- Bumke, Joachim. *Höfische Kultur: Literatur und Gesellschaft im hohen Mittelalter* [Court culture: Literature and society in the high Middle Ages]. München, Deutscher Taschenbuch Publ., 2005. 860 p. (in German).
- Buschinger, Danielle. Deutsch-polnische Wechselbeziehungen im Mittelalter [German-Polish interrelations in the Middle Ages], in Kosellek, Gerhard (ed.). *Deutsche Polenliteratur. Internationales Kolloquium, Karpacz, 3.–7. Oktober 1988*. [German Polish literature. International Colloquium, Karpacz, October 3–7, 1988]. Wrocław, Wrocław University Publ., 1991. Pp. 45–53 (in German).
- Campbell, Joseph. *The Hero with a Thousand Faces*. Princeton; Oxford, Princeton University Press, 2004. 403 p.
- Curta, Florin. *The making of the Slavs. History and archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700*. Cambridge, Cambridge University Press, 2001. 436 p.
- Doberentz, Otto. Die Erd- und Völkerkunde in der Weltchronik des Rudolf von Hohen Ems [Geographical and ethnological knowledge in the World Chronicle of Rudolf von Hohen Ems], in *Zeitschrift für deutsche Philologie*. 1881. Vol. 12. Pp. 257–301, 387–454; 1882. Vol. 13. Pp. 29–57, 165–223 (in German).
- Dunphy, Raymond Graeme. *History as Literature. German World Chronicles of the Thirteenth Century in Verse*. Kalamazoo, Western Michigan University; Medieval Institute Publications, 2003. 186 p.
- Ehrisman, Otfried. Die Fürsten «üzer Polan». Polen in der deutschen Heldendichtung des Mittelalters [The princes «of Polan». Poland in the German heroic poetry of the Middle Ages], in Kosellek, Gerhard (ed.). *Deutsche Polenliteratur. Internationales Kolloquium, Karpacz, 3.–7. Oktober 1988*. [German Polish literature. International Colloquium, Karpacz, October 3–7, 1988]. Wrocław, Wrocław University Publ., 1991. Pp. 33–44 (in German).
- Eis, Gerhard. Zu Dietrichs Slawenkämpfen [On Dietrich's Slavic fighting], in *Zeitschrift für deutsches Altertum*. 1952/3. Vol. 84. Pp. 70–84 (in German).
- Fonnesberg-Schmidt, Iben. *The Popes and the Baltic Crusades 1147–1254*. Leiden; Boston, Brill Academic Publishers, 2007. 287 p.
- Gillespie, George T. *A catalogue of persons named in German heroic literature (700–1600), including named animals and objects and ethnic names*. Oxford, Clarendon Press, 1973. 203 p.
- Goldenberg, David M. *The Curse of Ham: Race and Slavery in Early Judaism, Christianity, and Islam*. Princeton, Princeton University Press, 2003. 448 p.
- Grabski, Andrzej Feliks. *Polska w opiniach obcych X–XIII wieku* [Poland in the Opinions of Others from the 10th to the 13th Centuries]. Warszawa, Państwowe Wydawnictwo Naukowe Publ., 1964. 414 p. (in Polish).
- Grzybowski, Tomasz; Malyarchuk, Boris A.; Derenko, Miroslava V.; Perkova, Maria A.; Bednarek, Jarosław; Woźniak, Marcin. Complex interactions of the Eastern and Western Slavic populations with other European groups as revealed by mitochondrial DNA analysis, in *Forensic Science International Genetics*. 2007. Vol. 1. Pp. 141–147.
- Hahn, Thomas. The Difference the Middle Ages Makes: Color and Race before the Modern World, in *Journal of Medieval and Early Modern Studies*. 2001. Vol. 31. Pp. 1–37.
- Haymes, Edward R. Reflections of German Oral tradition in Thidrek's Saga, in Haymes, Edward R. (ed.). *Crossings — Kreuzungen: A Festschrift for Helmut Kreuzer*. Columbia (S.C.), Camden House, 1990. Pp. 63–70.
- Haynes, Stephen R. *Noah's Curse: The Biblical Justification of American Slavery*. Oxford, Oxford University Press, 2002. 384 p.
- Heinzle, Joachim. Biterolf und Dietleib [Biterolf and Dietleib], in *Lexikon des Mittelalters* [Dictionary of the Middle Ages]. Vol. 2. Stuttgart, Artemis Publ., 2000. P. 253 (in German).
- Heinzle, Joachim. *Einführung in die mittelhochdeutsche Dietrichepik* [Introduction to the Middle High German Dietrichepik]. Berlin; New York, Walter De Gruyter Publ., 1999. 221 p. (in German).
- Hoffmann, Richard C. Outsiders by birth and blood: Racist ideologies on peripheries of medieval Europe, in *Studies in Medieval and Renaissance History*. 1983. Vol. 6. Pp. 1–34.
- Honigsmann, Ernst. *Die sieben Klimata und die «Poleis episēmoi». Eine Untersuchung zur Geschichte der Geographie und Astrologie im Altertum und Mittelalter* [The seven climates and the «Poleis episēmoi». A study on the history of geography and astrology in Antiquity and the Middle Ages]. Heidelberg: C. Winter's University Bookstore Publ., 1929. 247 p. (in German).
- Jones, William R. The image of the Barbarian in medieval Europe, in *Comparative Studies in Society and History*. 1971. Vol. 13. No. 4. Pp. 376–400.

- Jostkleigrewe, Georg. Zwischen symbolischer Weltdeutung und erfahrungsbasierte Raumdarstellung. Die Geographie des europäischen Raumes. Die Geographie des europäischen Raumes bei Gossuin von Metz, Rudolf von Ems, Brunetto Latini und anderen volkssprachlichen Autoren [Between symbolic interpretation of the world and experience-based spatial representation. The geography of the European area. The geography of the European area at Gossuin von Metz, Rudolf von Ems, Brunetto Latini and other folk-language authors], in *Archiv für Kulturgeschichte*. 2009. Vol. 91. No. 2. Pp. 259–295 (in German).
- Juras, Anna. *Etnogeneza Słowian w świetle badań kopalnego DNA [Ethnogenesis of the Slavs in the light of ancient DNA analyses]*. Doctor Thesis. Adam Mickiewicz University in Poznań. <https://repozytorium.amu.edu.pl/jspui/handle/10593/2702> (date of accession: 09. 06. 2018).
- Kaljundi, Linda. Waiting for the Barbarians: Reconstruction of «Otherness» in the Saxon missionary and crusading chronicles, 11th–13th centuries, in Kooper, Erik (ed.). *The Medieval Chronicle V*. Amsterdam; New York, Rodopi Publ., 2008. P. 113–127.
- Keen, Elizabeth Joy. *The journey of a book: Bartholomew the Englishman and the Properties of things*. Canberra, ANU E Press, 2007. 199 p.
- Keller, Mechthild. Perspektiven: Vortellungen von «Riuzen» in der deutschen Literatur des Mittelalters [Perspectives: Presentations of the «Russian» in the German literature of the Middle Ages], in Keller, Mechthild; Dettbarn, Ursula; Kopelev, Lev (eds.). *Russen und Rußland aus deutscher Sicht, 9.–17. Jahrhundert [Russians and Russia from the German point of view, 9th–17th century]*. München, Wilhelm Fink Publ., 1985. Pp. 84–110 (in German).
- Knappe, Karl-Bernhard. *Repräsentation und Herrschaftszeichen. Zur Herrscherdarstellungen in der vorhöfischen Epik [Representation and Dominance. On ruler depictions in the pre-court epic]*. München, Arbeo-Gesellschaft Publ., 1974. 299 p. (in German).
- Kragl, Florian. *Die Geschichtlichkeit der Heldendichtung [The historicity of the heroic poetry]*. Wien, Fassbaender Publ., 2010. 188 p. (in German).
- Krawiec, Adam. *Ciekawość świata w średniowiecznej Polsce. Studium z dziejów geografii kreacyjnej [Curiosity about the world in medieval Poland: A study in imaginative geography]*. Poznań, Adam Mickiewicz University Publ., 2010. 510 p. (in Polish).
- Kürbis, Brygida. Kształtowanie się pojęć geograficznych o Sławiańszczyźnie w polskich kronikach przeddługoszowych [Forming of the geographical notion of Slavdom in Polish chronicles before Długosz], in *Slavia Antiqua*. 1953. Vol. 4. Pp. 252–282 (in Polish).
- Lidaka, Juris G. Bartholomaeus Anglicus in the Thirteenth Century, in Binkley, Peter (ed.). *Pre-Modern Encyclopaedic Texts*. Boston; Leiden, Brill, 1997. Pp. 393–406.
- Lienert, Elisabeth. *Die «historische» Dietrichepik: Untersuchungen zu «Dietrichs Flucht», «Rabenschlacht», «Alphards Tod» [The «historical» Dietrichepik: Investigations on «Dietrichs Flucht», «Rabenschlacht», «Alphards Tod»]*. Berlin; New York, Walter De Gruyter Publ., 2010. 306 p. (in German).
- Merrills, Andy. Geography and Memory in Isidore's «Etymologies», in Lilley, Keith D. (ed.). *Mapping Medieval Geographies*. Cambridge, Cambridge University Press, 2013. Pp. 45–64.
- Meyer, Heinz. *Die Enzyklopädie des Bartholomäus Anglicus. Untersuchungen zur Überlieferungs- und Rezeptionsgeschichte von «De proprietatibus rerum» [The encyclopaedia of Bartholomew Anglicus. Studies on the tradition and reception history of «De proprietatibus rerum»]*. München, Wilhelm Fink Publ., 2000. 524 p. (in German).
- Mieletinski, Eleazar. *Poetyka mitu [The poetics of myth]*. Transl. by Józef Dancygier. Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy Publ., 1981. 480 p. (in Polish).
- Mielnik-Sikorska, Marta; Daca, Patrycja; Malyarchuk, Boris A.; Derenko, Miroslava V.; Skonieczna, Katarzyna; Perkova, Maria; Dobosz, Tadeusz; Grzybowski, Tomasz. The History of Slavs Inferred from Complete Mitochondrial Genome Sequences, in *PLoS One*. 2013. Vol. 8. Issue 1: e54360.
- Millet, Victor. *Germanische Heldendichtung im Mittelalter: Eine Einführung [Germanic Heroic Poetry in the Middle Ages: An Introduction]*. Berlin; New York, Walter De Gruyter Publ., 2008. 503 p. (in German).
- Müller, Michael. *Die Annalen und Chroniken im Herzogtum Bayern 1250–1314 [Annals and chronicles in the Duchy of Bavaria, 1250–1314]*. München, Beck Publ., 1983. 306 p. (in German).
- Odhiambo, Nicholas Oyugi. *Ham's Sin and Noah's Curse and Blessing Utterances*. Bloomington, Author House, 2014. 200 p.
- Orłowski, Hubert. Die Lesbarkeit von Stereotypen. Ein Plädoyer [The readability of stereotypes. A plea], in Czarnecka, Mirosława; Borgstedt, Thomas; Jabłecki, Tomasz (eds.). *Frühneuzeitliche Stereotype. Zur*

Produktivität und Restriktivität sozialer Vostellungsmuster [Early modern stereotypes. The productivity and restrictiveness of social perception patterns]. Bern; Berlin; Bruxeles, Peter Lang Publ., 2010. Pp. 15–28 (in German).

Pieradzka, Krystyna. Genealogia biblijna i rodowód Słowian w pierwszej księdze «Annales» Jana Długosza [The Bible genealogy and the origin of the Slavs in the first book of Jan Długosz's «Annales»], in *Nasza Przeszłość. Studia z dziejów Kościoła i kultury katolickiej w Polsce* [Our Past. Studies from the history of the Church and Catholic culture in Poland]. 1958. Vol. 8. Pp. 83–116 (in Polish).

Pochat, Götz. *Das Fremde im Mittelalter: Darstellung in Kunst und Literatur* [The Stranger in the Middle Ages: A Presentation in art and literature]. Würzburg, Echter Publ., 1997. 164 p. (in German).

Reisinger, Jutta; Sowa, Günter. *Das Ethnicon «Sclavi» in den lateinischen Quellen bis zum Jahr 900* (Glossar zur frühmittelalterliche Geschichte im östlichen Europa. Bd. 6) [The ethnicon «Sclavi» in Latin sources up to the year 900 (Glossary of Early Medieval History in Eastern Europe. Vol. 6)]. Stuttgart, F. Steiner Publ., 1990. 233 p. (in German).

Seymour, Michael C. *Bartholomaeus Anglicus and his Encyclopedia*. Aldershot, Ashgate Publ., 1992. 263 p.

Steinacher, Roland. Wenden, Slawen, Vandalen: Eine frühmittelalterliche pseudologische Gleichsetzung und ihre Nachwirkungen [Vends, Slavs, Vandals: An early medieval pseudo-equations and their aftermath], in Pohl, Walter (ed.). *Die Suche nach den Ursprüngen* [The search for the origins]. Wien, Austrian Academy of Sciences Publ., 2004. Pp. 329–353 (in German).

Tamm, Marek. A New World into Old Worlds: The Eastern Baltic Region and the Cultural Geography of Medieval Europe, in Murray, Alan V. (ed.). *The Clash of Cultures on the Medieval Baltic Frontier*. Farnham, Ashgate Publ., 2009. Pp. 11–36.

Tyszkiewicz, Lech A. *Słowianie w historiografii antycznej do połowy VI wieku* [Slavs in the antique historiography before the mid-6th century]. Wrocław, Wrocław University Publ., 1990. 218 p. (in Polish).

Tyszkiewicz, Lech A. *Słowianie w historiografii wczesnego średniowiecza od połowy VI do połowy VII wieku* [Slavs in the historiography of the early Middle Ages from the mid-6th to mid-7th century]. Wrocław, Wrocław University Publ., 1994. 216 p. (in Polish).

Tyszkiewicz, Lech A. Wschodni sąsiedzi Niemiec w historiografii końca X i początków XI stulecia [Eastern neighbours of Germany in the late 10th – early 11th century historiography], in *Śląski Kwartalnik Historyczny Sobótka*. 1982. Vol. 37. Pp. 1–12 (in Polish).

Umiński, Józef. *Niebezpieczeństwo tatarskie w połowie XIII wieku i papież Innocenty IV* [The Tatar danger in the mid-13th century and Pope Innocent IV]. Lwów, Towarzystwo Biblioteka Religijna Publ., 1922. 152 p. (in Polish).

Wejwoda, Marek. *Dietrich von Bocksdorf und seine Bücher. Rekonstruktion, Entwicklung und inhaltliche Schwerpunkte einer spätmittelalterlichen Gelehrtenbibliothek* [Dietrich von Bocksdorf and his books. Reconstruction, development and contents of a late medieval scholar's library]. Leipzig, Leipzig University Publ., 2014. 270 p. (in German).

Wolff, Larry. *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of Enlightenment*. Stanford (Calif.), Stanford University Press, 1994. 419 p.

Zientara, Benedykt. «Populus-gens-natio». Z zagadnień wczesnośredniowiecznej terminologii etnicznej [«Populus-gens-natio». From the problems of the early medieval ethnic terminology], in Kuczyński, Stefan K. (ed.). «Cultus et Cognito». *Studia z dziejów średniowiecznej kultury* [«Cultus et Cognito». Studies from the history of medieval culture]. Warszawa, Państwowe Wydawnictwo Naukowe Publ., 1976. Pp. 673–682 (in Polish).

Zufferey, Maurice. Der Mauritiuskult im Früh- und Hochmittelalter [The cult of Mauritius in the early and high Middle Ages], in *Historisches Jahrbuch*. 1986. Vol. 106. Pp. 23–58 (in German).